

1826 40 4
55.

№ 17 1826

ОПЫТЫ

СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ,

ФЕДОРА ГЛИНКИ.

14713

Готѣво сѣрдце моѣ, Боже, готѣво сѣрдце моѣ: коспю и пою.

Псал. 107.

БИБЛИОТЕКА
 Св.-Правосл. Дух. Академіи
 ОТД. №
 нв. № 14713

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1826.

ОПЫТЫ
Священной Поэзии.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1826.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Гимнь Богу	1.
Блаженство праведнаго	7.
Тщеша суемудрія	9.
Къ Богу правды	11.
Голось къ Вышнему	14.
Желаніе Бога	17.
Вошь раскаянія	20.
Желаніе Неба	23.
Исканіе Бога	26.
Горе и Благодать	28.
Глаголы Неба	31.
Тоска	34.
Гласъ Бога избранному Его	36.
Плачь плѣнныхъ Іудеевъ	39.
Молишва души	41.
Созерцаніе	43.
Съшованіе	47.
Богу Спасителю	50.
Воззваніе къ Господу	52.
Прощеніе	54.
Жажда покоя	56.
Раскаяніе	58.
Памяшь о Божіихъ словахъ	61.
Къ Богу Великому, защишнику правды	64.
Сила имени Божіяго	68.
Судъ и милосшь	72.
Испынаніе	75.

	Стран.
Праздникъ души	77.
Преходящій міръ	79.
Вездѣсущность Бога	83.
Голось души	86.
Хвала	89.
Гласъ къ Господу	96.
Побѣда	98.
Размышленіе о благоспш Всеблагаго	100.
Земная грусь	103.
Минуша въ лучшемъ мірѣ	109.
Минуша счасшя	111.
Къ душѣ	113.
Полешь души	121.
Дѣвъ утолишельницѣ печалей	126.
Благодашнѣй Госпѣ	129.
Блуднѣй сынѣ	136.
Призваніе Ісаіа	143.
Изъ Пророка Ісаіа	146.
Каршина Іудейскихъ нравовѣ	150.
Гнѣвъ Господа на нечеспивыхѣ	154.
Пророкъ	164.
Гласъ Пророка	171.
Вѣнецъ времянѣ	179.

ОПЫТЫ СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ.

ГИМНЪ БОГУ.

«Гдѣ оустнѣ мои ѿверзеша, и оуста
моѣ възвѣстатъ хвалу твою.»

(Псал. 50.)

Умолкни вопль и шумъ вселенной!
Запихни бурный спонъ морей!
Да я, любовью вдохновенный,
Воскликну пѣснь Царю царей!
Ошколѣ шайное призванье?
Я весь святое прешанье,
Воспорги грудь мою зажгли:
Парю . . . ищу Творца природы,
За нимъ душой въ надзвѣзды своды
И въ бездны шайныя земли! . . .

Вездѣ ешь Богъ; все въ Немъ; Онъ слышитъ,
Какъ идушь звѣзды въ вышинѣ;
Какъ непримѣшной жизнью дышитъ

Полипъ въ бездонной глубинѣ,
 И какъ земныя бьющя жилы . . .
 Онъ знаешь, что бесплоны силы
 Языкомъ шайнымъ говорящъ,
 И все, что мыслящъ человѣки.
 Предъ Нимъ и времена и вѣки,
 Какъ свисковъ разрѣшенныхъ рядъ!

Кто шамъ надъ небомъ и судьбою?
 Кто сводищъ вѣки въ шѣсный кругъ?
 Повсюду Сый и все Собою
 Се Онъ живошворящій Духъ!
 Душа вселенной, вѣчный Геній:
 Чей взоръ — моря благошвореній;
 Кто весь — любовь и чистый свѣщъ;
 Превѣчный — Онъ содержищъ вѣчность;
 Онъ дланью обнялъ безконечность;
 Речешъ: «не бышь мірамъ!» — и нѣщъ!

Но Онъ міры въ пространствѣ сѣнешъ
 И въ нушь першомъ своимъ ведешъ;
 Вездѣ, гдѣ жизнь незримо вѣнешъ
 И гдѣ свѣшилъ сіяешъ свѣщъ,
 Присущны Вышняго ушавы:

Почтожь шрепещешъ сердцемъ правый!
 Гдѣ бѣ ни былъ и въ какой судьбѣ,
 Хопя бѣ враги, гордыни полны,
 Текли, кипя, какъ бурны волны? . . .
 Не шоль мы зрѣли на себѣ?

Давно ль нашъ Богъ покрылъ насъ славой?
 Онъ спасъ Россіянъ вѣрный родъ!
 Я зрю дни бѣды войны кровавой . . .
 Идешъ неисповый народъ,
 Какъ шигровъ гладная спаница!
 И слышишь древняя Сполица
 И шонъ полей и гуль громовъ!
 Несетъ намъ врагъ пожаръ и цѣпи;
 За нимъ — кипящи кровью степи
 И обласнь смерти и гробовъ!

Я зрю, о, спрашное видѣнье!
 (И грудь моя полна шоской!)
 Повсюду буря и смяшенье
 И огнь спѣной и кровь рѣкой!
 Восшокъ и Западъ слышатъ шоны
 Россіянъ, ждущихъ обороны
 Ошъ ближнихъ и друзей. Имъ ибшъ

Въ годину люшюю опрады:
 Въ волнахъ пожаровъ понушъ грады . . .
 О Россъ! ты гибнешъ! Кто спасешъ?

Темнѣюшъ обласпи лазури,
 Завылъ спѣсенный вѣспрь въ лѣсахъ;
 Огней и грома полны бури
 Всклубили шучи въ небесахъ.
 Змѣиспы молніи зажглися
 И вихри съ вихрями сперлися,
 Лѣса, отскрыпнувъ, полегли;
 Пошрясса спройный чинъ природы,
 Духъ бури взрыль пѣниспы воды
 И сердце дрогнуло земли.

Грядешъ, грядешъ Господь вселенной!
 Грохочушъ громы по слѣдамъ;
 Грядешъ и гласъ гремишъ священной
 Ошъ неба и до безднъ: « Не дамъ!
 Не дамъ людей моихъ свободы!
 Для нихъ склоню надзвѣздны своды;
 Для нихъ мой щипъ, за нихъ мой громъ!
 Гдѣ онъ? народовъ вождь презорный!
 Какъ за добычей коршунъ черный
 Мой гнѣвъ за нимъ помчишя въ домъ!

«Его не скроютъ звѣзды сами,
 Не примешь глубина морей:
 Моря и землю съ небесами
 Держу въ десницѣ Я Своей!
 Коснусь звѣздамъ — и опсупаюшъ!
 Дохну на солнцы — угасаюшъ!
 Велю — засвѣпипшъ темноша!
 Велю — и цѣлая вселенна,
 Какъ вихремъ искра восхищенна,
 Исчезнешъ въ буряхъ, какъ мечша!» . . .

Такъ въ гиѣвѣ Царь гласитъ природы.
 И сила грозныхъ Божьихъ словъ,
 Какъ буря, движешъ швердь и воды
 И зыблешъ пысящи міровъ!
 Се Онъ, съ высопъ свяшаго свода,
 По гласу Росскаго народа,
 По спону гибнушихъ сердецъ,
 Блеснулъ — и гдѣ не смѣпны силы?
 Надмѣннымъ — бѣтспво и могилы;
 Смираннымъ — лавры и вѣнецъ!

О, будь благословенъ, мой Вѣчный,
 Творецъ и Вождь небесныхъ силъ!

Къ Нему мой гласъ, мой гимнъ сердечный,
Какъ дымъ серебряный кадилъ;
Туда, гдѣ жизнь иная вѣшъ,
Гдѣ все любовію свѣплѣшъ....
Но гаснешъ мой свяшый восшоргъ,
И содрогаюсь я опъ спрахъ:
Я ль, сынъ земли и жипель праха,
Тебя воспѣшь дерзнулъ, мой Богъ?

Пою Тебѣ! но спрои звѣзды
Текушь, блѣдиѣя, за моря,
И синія лобзаешъ бездны
Предъ ушромъ алая заря.
Творецъ! Тебѣ дымяшя горы!
Тебѣ пернашыхъ звучны хоры!
Все славишь вѣчную любовь!
Чшо жъ я? — Въ сей мигъ благоговѣнья,
Я полонъ чувствъ — безъ выраженя;
Я весь восшоргъ любви — безъ словъ!

БЛАЖЕНСТВО ПРАВЕДНАГО.

«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на путь грѣшныхъ не ста.»

(Псал. 1.)

О, сколь блаженъ правдивый мужъ,
 Который грѣшнымъ въ слѣдъ не ходишь,
 И лишь въ союзѣ чистыхъ душъ
 Опраду для души находишь!
 Его и спраши кличущъ въ свѣшъ
 И нечестивцы въ свой совѣшъ.
 Но онъ вперилъ на правду очи
 И глухъ къ зазывамъ лести онъ:
 При свѣшѣ дня и въ шайнѣ ночи
 Хранишь онъ Вышняго законъ,
 И ходишь въ немъ непоколебимымъ;
 Вездѣ онъ чистъ, душою прямъ,
 И въ очи смерти и бѣдамъ
 Глядишь съ покоемъ нерушимымъ,
 Хоша въ ладѣ, бичемъ судьбы,
 Гонимъ въ шумъ бурныхъ океановъ...
 Когда лукавые рабы

Блажашъ бездушныхъ испукановъ,
Онъ видишь Бога надъ собой,
И смѣло борешся съ судьбой!
Зажглась гроза, синѣюшъ шучи,
Лешипъ, какъ исполинъ могучій,
Какъ грозный князь воздушныхъ странъ,
Неудержимый ураганъ,
И спелишъ жашвы и дубравы...
Но онъ въ поляхъ споишъ одинъ,
Сей дубъ корнисшый, величавый:
Таковъ небесный гражданинъ!
И процвѣшешъ онъ въ долгой жизни,
Какъ древо при испокахъ водъ;
Онъ будешъ памяшенъ опчизнѣ,
Благословишъ его народъ...
Не такъ, не такъ для нечеспивыхъ:
Вѣшшая въ крапкихъ, смушныхъ дняхъ,
Они развѣюшся, какъ прахъ.
Господь не сперпишъ горделивыхъ:
Онъ двигнешъ неба висошы
И землю разкалишъ до ада.
Но вамъ, спрадальцы правошы!
Онъ вамъ и пасшырь и ограда!

ТЩЕТА СУЕМУДРІЯ.

«Вскдѣю шаташася ꙗзыцы ꙗ людѣ
поучшася тщѣтнымъ.»

(Псал. 2.)

За чѣмъ къ земнымъ корыстямъ руки
И умъ на тщешныя науки
Просперли съ жадносцію вы?
На все гошовы для молвы,
На все для блеска ложной славы:
Забыли Вышняго успавы!
Цари и Князи собрались
Идши на Господа войною;
Сердца ихъ дерзоспью зажглись,
Покрылись очи пеленою.
Но Онъ, живый на небесахъ,
Надъ вашей злобой посмѣшся:
Вашъ сонмъ, какъ прахъ съ пушей смятешся,
Мечи замрутъ у васъ въ рукахъ.
О! страшны Вышняго глаголы!
Когда кииншъ Его гроза:
Трещаншъ скалы, вздыхающъ доли,

И кедры гнушея какъ лоза . . .
А миѢ, за долгое смиренье,
За скорбь мою, за прошошу,
Склонивъ небесну высоту,
Мой Богъ послалъ благоволенье.
Онъ ополчилъ меня жезломъ
И рекъ: « Паси сіи языки;
Смири въ ихъ гордоспи великой
Слѣпцовъ съ безумнымъ ихъ умомъ;
И, какъ скудельные фіалы,
Разбѣй сердца ихъ одичалы;
Заблудшихъ вырви изъ сѣшей:
Будь спражь и вождь моихъ людей! »
О сильныя земли — смиренье!
Въ судѢ — защита нищешѢ!
Вся жизнь — будь жертва правешѢ!
Законамъ правды — поклоненье!
Я зрю: онъ близокъ Божій день;
И вы побѣгли, исполины,
Какъ изъ глубокія долины
Бѣжишь предъ яснымъ ушромъ шѢнь!

КЪ БОГУ ПРАВДЫ.

« Доколѣ грѣшницы Гдѣ доколѣ
грѣшницы восхвалятся. »

(Псал. 93.)

Возспань, Господь! Гдѣ судъ Твой правый?
 Почшо молчишь Твой страшный громъ?
 Доколѣ, Господи, доколѣ
 Симъ нечеспивцамъ пиروвашь
 За сладкою прапезой жизни,
 Ругаясь благоспью Твоей?
 Доколь имъ грѣшникамъ хвалишься
 И говоришь: « Далеко Богъ! »
 Неправда разлилась, какъ море,
 И понешь въ ней Твоя земля!
 Они, какъ проспи, изломали
 Законы дивные Твои,
 И въ дикой радости, какъ звѣри,
 Толпой неисповой бѣгущь
 На шумный праздникъ беззаконья . . .
 А споны вдовъ и сироты,
 Твоихъ людей забытыхъ слезы,

Сія сердечная роса,
Восходяшь съ воплемъ въ небеса!
Въ устпахъ злодѣевъ громкій хохотъ!
Они убили сироту,
И со вдовицы вѣхи ризы
Сдираешъ жадная рука!
И говоряшь, смѣясь, безумцы:
«Гдѣ Богу съ неба видѣшь насъ?»
О заблужденье! Какъ же мыслишь,
Что бъ Топъ, кпо слухъ и око даль,
Не видѣлъ слезъ, не слышалъ вняшно,
Что сердце въ грусти говоришь?
Надъ чьей главой благословенье
Свѣплѣешъ тихою зарей;
Надъ кѣмъ проклятія и споны
Спаницей черною кипяшь;
Въ чье сердце алчные пороки,
Какъ змѣи жадные, впились;
И кпо, кичливый, мчишься вихремъ
Земныхъ мечпаній и суешь?
Блаженъ, живущій въ кровѣ Бога!
Не для него шумишь гроза!
Не для него ловець-погибель
Хоронишь подъ цвѣтами сѣшь!

Онъ смѣлою спопою ходишь
По скользкой жизни . . . О Творецъ!
Ты Самъ и небеса съ Тобою
Нисходяшь къ чистому душой,
И зришь онъ, въ духѣ, славу Бога!
И въ оный часъ, какъ ось земли
Подлomiшься, съ греющимъ прескомъ,
И понесешься легкой шаръ,
Какъ вихремъ лиспъ въ поляхъ пуспынныхъ,
Онъ, невредимый, въ оный часъ,
Преидеть въ святое лоно Бога,
Который жилъ въ его душѣ!

ГОЛОСЪ КЪ ВЫШНЕМУ.

«Оузрю неведá, дѣла персть твоихъ, ади́
и свѣзды, ꙗже ты ѿсновáль еси.»

(Псал. 8.)

Какъ я плѣненъ спокойнымъ небомъ!

Тамъ свяшъ, Создатель, Твой законъ!

Туда нашъ гласъ, мольбы и спонъ!

Ты всѣхъ Своимъ пишаешь хлѣбомъ;

Ты Богъ всего, Ты жизнь всему.

Одинъ лишь я въ Твоемъ дому

Хожу какъ пруженикъ забышый,

И не живой и не убишый;

Но межъ живыми какъ мертвецъ . . .

Но, милосердый нашъ Опець!

Не Ты ли кедръ въ часъ ярой бури

На рухломъ холмѣ удержаль?

Не Ты ли свѣпкостью лазури

Сѣдое небо осіяль?

Не Ты ль былинкой полевою,

Едва примѣшною глазамъ,

Такъ и́жно занимался Самъ?
Не Ты ли влагою живою
Пылилки дробныя жильцовъ
Понлъ, пишалъ, очамъ незримыхъ,
И опъ небесъ, Тобой хранимыхъ,
Опецъ, и́жни́йшій изъ опцовъ!
Не Ты ли слышишь гласъ неслышный
Дебелымъ смершнаго ушамъ?
Вездѣ Твой взглядъ, Твой кровъ запишный;
Все пѣснь Тебѣ и все Твой храмъ!
Всемощный! Ты вѣщаль Пророку:
« Земной! будь голосомъ Небесъ!
Труби могущему пороку,
И свѣтомъ Божіихъ словесъ
Очисти смрадные вершепы
Змѣиныхъ козней и грѣховъ!
Пускай кругомъ враги свирѣпы,
Какъ ешая пробужденныхъ псовъ
На пупника безъ обороны;
Какъ зной, какъ злые скорпіоны;
Какъ волны бурныя рѣки,
Тебя обидущъ съ зѣльнымъ крикомъ!
Будь смѣль — въ надѣяньи великомъ
На сѣнь, на власнь Моей руки!»

Я вѣрю, Господи! я чаю,
И вѣрой грѣю сердца хладъ:
Пускай я жизнию скучаю,
Но для Тебя шерпѣшь я радъ!

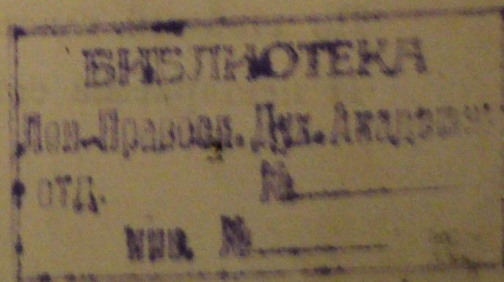

ЖЕЛАНІЕ БОГА.

«Иже образомъ желаетъ елень на источники
водныя, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже.»

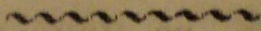
(Псал. 41).

Какъ съ пылкой жаждою елень,
Когда стараешь знойный день,
Склонивъ рога, бѣжишь, успалый,
Глошаешь шумящія криспалы
Въ брегахъ спуденаго ручья:
Такъ, испомясь, душа моя
Въ пустыняхъ знойныхъ дольней жизни,
Летишь къ святой своей опчизнѣ,
Къ Тебѣ, владѣющій судьбой,
Къ Тебѣ, мой Боже, Боже правый!
Твоей упишься жаждешь славы
И слышь навѣкъ себя съ Тобой! . . .
Я упомился жизни бишвой;
И онѣмѣлыя уста
Не освѣжаются молишвой:
Меня обходишь клеветша;
И поносишели лукавы,

Ругаясь злобно для забавы,
Твердишь всечасно: «Гдѣ жь швой Богъ?»
Но я, я знаю Твой чершогъ!
И ясно видишь сердца очи
Сію таинспвенную сѣнь,
Гдѣ Твой, безъ солнца и безъ ночи,
Горитъ, не погасая, день!
Я вѣдаю Твое селенье:
Туда души моей полешъ
Влечешъ свяшое умиленье . . .
Какъ шихъ незаходимый свѣшъ
Кругомъ обипелей священныхъ!
Я часшо, духомъ восхищенный,
Лешаю въ Твой надзвѣздный домъ!
Почшо жь въ душѣ моей шревога?
Мяшусь и спрахомъ и спыдомъ.
Моя судьба въ рукахъ у Бога:
И чшо мнѣ можешъ человѣкъ?
Какъ день осенній; пущь мой вѣкъ
Проходишь смушень и умалень:
Тоска — мой хлѣбъ; пишье — изъ слезъ;
Я на землѣ хожу печалень.
Но тайный гласъ свяшыхъ небесъ
И нестараемы свѣшили

МиѢ говоряшь: «Пришлецъ унылый!
Твоя обитель не земля!
Сии лазурныя поля
Полны высокихъ воздаяній!»
Крѣпись, мой духъ, въ спранѢ спраданій
Не вѣчень швой жестокой плѣнѢ!
Пройдешъ пора земной неволи
И, вольный плѣнникъ сей юдоли,
Ошбросивъ свой урочный плѣнѢ,
Взлетишь шы быспро изъ шумана,
Изъ шѣсношы земной и мукъ,
Какъ изъ разбишаго шимпана
Послѣдній улешаешъ звукъ.

ВОПЛЬ РАСКАЯНІЯ.

«ГДН! да не гѣростію твоєю ѡбличіши мене.»

(Псал. 6.)

Не поражай меня, о Гнѣвный!
 Не обличай моихъ грѣховъ!
 Ужь вяну я, какъ въ зной полдневный
 Забытый злакъ въ моряхъ песковъ;
 Смяшенъ мой духъ, мой умъ скудѣешь,
 Миѣ жизнь на упрѣ вечерѣешь...
 Огнемъ болѣзненнымъ горяшь
 Мои желшѣющія очи,
 И смущены видѣнья ночи
 Мой духъ усшальный шягопяшь.
 Я обложенъ, какъ цѣпью, спрахомъ!
 Вездѣ, какъ шѣнь, за мной поска:
 Какъ тяжела Твоя рука!
 Но я главу посыпалъ прахомъ
 И въ прахъ челою передъ Тобой!
 Услышь стѣбнящій голосъ мой!
 Меня помилуй Ты, о Боже!
 Я духомъ все ищу небесь,

И по ночамъ безсоннымъ ложе
Кроплю дождемъ кипящихъ слезъ!
Я брошенъ, какъ шимпанъ разбишый,
Какъ арфа звонкая безъ струнъ;
Вездѣ мнѣ сѣшь враги сердишы!
Вездѣ блиспаешъ Твой перунъ!
Предчувствія облишъ я хладомъ:
Ты смершью мнѣ грозишъ иль адомъ?
Но въ гробѣ пѣсней не поюшъ!
И въ адѣ, о мой Богъ всевластный,
Въ сей безднѣ гибели ужасной,
Тебѣ похваль не воздаюшъ!
А я сгараю жаждой славишъ
Тебя, съ любовью, всякій часъ,
И въ памяшъ позднюю оспавишъ
Души, Тобой спасенной, гласъ.
О радосшъ! радосшъ! плачь сердечный
Услышанъ Господомъ моимъ!
Ты освѣшилъ меня, мой Вѣчный!
Лицемъ паинспвеннымъ Своимъ!
Прочь, беззаконники, съ дарами,
Съ оправой бѣглой жизни сей!
Я не хочу бышъ больше съ вами!
Творецъ! въ свяшой любви Твоей

ЖЕЛАНИЕ НЕБА.

« Коль возлюблена сееліа твоѧ, Гди слава! »

(Псал. 83.)

О, какъ прекрасенъ видъ небесъ!
Туда души моей порывы!
Она, какъ жаждущія нивы,
Томишся въ сей юдоли слезъ!
Какъ шихо шамъ, въ Твоемъ черпогѣ!
Къ Тебѣ, мой Богъ! пушей ищу,
И, безпріютный, препену
Въ сихъ буряхъ, въ сей земной превогѣ.

Какъ счастливъ, кпо хранимъ Тобой!
Онъ силы онъ восходишь въ силу!
И смѣло въ бипву онъ съ судьбой!
Онъ видипъ жизнь и за могилой.
Тамъ для души зазывный пиръ;
Тамъ жизнь свѣплѣй надежды ясной;
Не такъ женихъ къ невѣстѣ спрасшной,
Какъ онъ желаешъ въ лучшей мірь!

По вѣпрамъ горлица кружишся,
Съ роднаго сорвана гнѣзда:

Подъ ней безбрежна степь дымища
И въ вихряхъ свищешъ ей бѣда.

И все ей гибель! . . . Такъ, мой Вѣчный!
Такъ спражнешъ здѣсь душа моя!
Когда жь, услыша плачь сердечный,
Усыновишь любовь Твоя
Изгнанниковъ изъ райской доли,
И дѣши праха сей юдоли,
Какъ упрость чистая роса,
Взойдушь къ Тебѣ на небеса? . . .

Тамъ день горитъ незаходимый:
Онъ ясенъ, какъ любовь; онъ шихъ,
Какъ чистая мольба свяпыхъ:
Въ немъ поспижимъ Непоспижимый!
О, сколь прекрасенъ Твой чершогъ,
Опець вселенной, щедрый Богъ!

Чшо человекъ въ душѣ лукавый?
Забыль онъ небо на землѣ,
Глошная дымъ бѣгущей славы . . .
Слѣпецъ, безъ посоха, во мглѣ,
Душѣ голодной ищешъ пиши:
Онъ ищешъ жизни — на кладбищѣ!

Прямая жизнь на небесахъ
 Для насъ, о брашья-человѣки!
 Неиспошимый въ чудесахъ,
 Опшоль въ міры низводишь вѣки,
 И въ вѣки новые міры.
 И нѣшь шамъ случая игры;
 Тамъ правды вѣчные законы
 Древнѣй, неколебимѣй звѣздъ!
 Узрю ль красу шѣхъ горнихъ мѣспъ?
 Дипя, забыное въ пуспынѣ,
 Найдусь ли я въ Твоей свяшынѣ,
 Творецья ищущій Творецъ!

И день одинъ въ Твоемъ селеніи
 Вѣковъ милѣй въ семь започеніи...
 Блаженъ, кому плешушь вѣнецъ
 Изъ свѣшлыхъ радугъ Серафимы!
 Онъ на землѣ, жилецъ незримый,
 Слезами плашишь жизни дань:
 Доколь Твоя съ спрадальца длань
 Сорвешъ, какъ ризу, укоризну
 И небо дасъ ему въ опчизну!

ИСКАНІЕ БОГА.

« И дѣхъ великъ и крѣпокъ разорѣа горы, и сокрѣшаа
 каменіе къ горѣ предъ Гдѣмъ, но не къ дѣскѣ Гдѣ:
 и по дѣскѣ трѣсѣ и не къ трѣскѣ Гдѣ: И по
 трѣскѣ огня, и не ко огни Гдѣ: и по огни
 гласъ хаада тонка, и тамъ Гдѣ. »

(Книга 3 Царствъ.)

Я видѣлъ: смерклись небеса;
 Земля дала глухіе сноны;
 Возспалъ духъ бурь, сломилъ препоны,
 Сноной, какъ жашву, смялъ лѣса;
 И горы съ мѣспъ, и горь обломки
 Онъ, мощный, въ дебряхъ размешалъ!
 Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ —
 Но Бога въ буряхъ не видалъ!

Я видѣлъ: ровныя поля
 То гнулись въ долы, шо холмань,
 И волновалася земля,
 И камни градомъ съ горь капилнь,
 И грозно небеса дымилсь...
 И, шрепешный, звалъ Бога я —

Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ Его священныхъ!

Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Ошъ молній рдѣешь сводъ небесъ,
И пышешь огненные поки,
И на лицѣ полей широкихъ
Все спало пыломъ, все огнемъ —
Но Бога я не видѣлъ въ немъ!

И въ слѣдъ за бурей — тишина;
Душа предчувствіемъ полна;
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На пайный зовъ душа лешитъ
И дышитъ жизнью не земною...
Все спало сладкой тишиною,
И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога — въ тишинѣ!

ГОРЕ И БЛАГОДАТЬ.

«И воста́ ѡкъ спѣ́ Гдѣ.»

(Псал. 77.)

I.

Господь какъ будшо почиваль,
 А на землѣ грѣхи кипѣли;
 Оковы и мечи звенѣли
 И сильный слабого шерзаль.
 Не спало дѣль, ни правъ священныхъ,
 Молчалъ обиженный законъ;
 И воспекаль ошъ припѣсненныхъ
 Глухой, пропяжный, шяжкій спонъ.
 Какъ дымъ прошло сіянье славы,
 Сокрылась крошкая любовь;
 И человекъ родъ лукавый
 Быль видъ повапленныхъ гробовъ!
 Проспились люди съ пищиною,
 Вездѣ мяшежь и грустный мракъ,
 И гладъ съ кровавою войною
 На шрупахъ пироваль свой бракъ;
 Сшихи грозно свирѣѣли
 И мѣрь чего-шо ожидаль...

Господь какъ будто почивальъ,
А на землѣ грѣхи кипѣли!

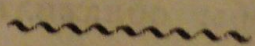
II.

Какая всходишь шамъ заря?
Кто раскалилъ небесны своды?
Почто блѣднѣете, народы?
Куда бѣжише вы, моря?
Злашое солнце покраснѣло
И не даетъ своихъ лучей,
И для земли осиротѣлой
Не спало упра, ни ночей;
И грады падають, какъ класы,
Когда ихъ дождь и бури бьюшь;
И раздались незримыхъ гласы:
«Господь, Господь идешь на судь!»

III.

Но Онъ пришелъ Неизрѣченный!
И шолько грѣшныхъ поразилъ!
Онъ, свѣшпомъ молній, по вселенной
Всѣ шайны злобы обнажилъ.
Не успояли грѣхъ и сила
Ошъ блеска Божіихъ очесъ:

Ихъ съѣла вѣчная могила!
И новый вѣкъ насталь чудесь!
Неправда шаякая обида
Была и людямъ и Творцу:
Богъ избралъ крошкаго Давида,
И даль онъ юному борцу
Свой духъ, Свое благословенье,
И повелѣль прешашъ бѣдѣ;
И скрылось смушное волненье;
Хвалилась милосшь на судѣ;
Не смѣль коваршвовашъ лукавый
И не спрадалъ опъ сильныхъ правый.
Законъ, какъ крѣпкая шѣна,
Облежь Израильскіе грады;
Цвѣли спокойно вершограды,
Лобзались миръ и шишина.
Господь какъ будшо почиваль;
Но на землѣ дѣла свѣшлѣли:
Звучаль шимпанъ и дѣвы пѣли,
И всякій Бога величалъ!

Г Л А Г О Л Ы Н Е Б А.

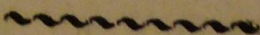
« Небеса похваляют славу Божию. »

(Псал. 18.)

Когда взойдешь межъ звѣздъ луна,
 И, молчаливо, въ храмъ природы
 Низходишь ночи пишина,
 И въ ясно-зеркальныя воды
 Глядишь прибрежныя лѣса,
 О чемъ глаголяшь небеса?
 Они Твою вѣщающъ славу,
 Премудрый Богъ, Твою любовь!
 И вѣрны вѣчному уславу
 Свѣшила выпренихъ круговъ!
 День дню и ночь грядущей ночи
 Свяшую шайну предающъ,
 Чшо ошъ вѣковъ незримы очи
 Сію вселенную блюдушъ...
 Глаголы неба прошекающъ,
 Какъ духъ, какъ жизнь, во всѣ концы.
 Но ихъ умомъ не посшигающъ
 Слѣпые міра мудрецы:
 Они для буйныхъ сокровенны;

И тайны дивныя Опца
Одни, любовью возрождены,
Поснигли дѣтскія сердца . . .
Кшо сей наперникъ свѣшлый Бога
Течешъ, какъ мощный исполинъ,
Въ безбрежность голубыхъ долинъ,
И какъ изъ брачнаго чершого
Выходишь молодой супругъ?
О солнце! древній неба жипель!
Тебѣ предъидешъ жизни духъ;
И, слабый лишь изобразитель
Творца, и шы живишь, какъ Онъ!
Сколь благодашень Твой законъ,
О Богъ, въ любви неизреченный!
Онъ выше всѣхъ земныхъ даровъ,
И камней радужныхъ безцѣнныхъ
И багряницъ и жемчуговъ:
Какъ медъ изъ соша золошаго,
Какъ влага чистая небесъ,
Пошокъ таинственныхъ словесъ
Течешъ ошь Господа свяшаго!
Они, пронзая вышину,
Тѣсяшя въ грудь и въ ней свѣшлѣють,
И счастье неба сердцу вѣють

И вводяшь душу въ тишину.
Мои всѣ кости слышатъ радость,
Когда небесный сей элей
Течешъ, какъ здравіе, какъ младость,
Изъ запа-розовыхъ полей,
Гдѣ ухаенъ испочникъ жизни. . .
Опець! не дай мнѣ въ сей ночи
Забышь о радостяхъ опчизны,
Гдѣ свѣша вѣчнаго лучи,
Какъ мысли, изъ Тебя сіяють;
Гдѣ маниемъ Твоихъ очесъ
Ликують небеса небесъ
И звѣзды свѣшлыя играютъ.
И въ семь изгнаніи земномъ
Ты будь мой вождь, моя ограда!
Когда не Ты сиротъ опрада,
То мнѣ искашь опрады въ комъ?

Т О С К А.

« Гдѣ Бо́же спасѣнїа моего, во дни воззвѣхъ, и
 въ нощи предъ Тобою. Иже исполниша словеса души
 моея, и животоу моему адоу приваижиша: »

(Псал. 87.)

Я умираю ошь тоски!
 Ко мнѣ, мой Боже, пришеки!
 Души усналой гибнушь силы;
 Огонь очей попухъ въ слезахъ
 И жажду я, въ моихъ бѣдахъ,
 Какъ ложа брачнаго — могилы!
 Я, въ море брошенный пловецъ,
 Тону въ волнахъ моей печали:
 Услышь послѣднїй гласъ, Творецъ!
 Усна, изсохнувъ, замолчали;
 Тоска въ душѣ, какъ зной, кипишь,
 Но сердце въ грусти не молчишь:
 Спрадая, какъ дыня больное,
 Оно, безъ мыслей, вопиешь
 И плачемъ дѣтскимъ, все родное
 Безъ словъ, тоской къ себѣ зовешь!

Но нѣшь мнѣ на землѣ роднаго!
Опшъ неба Твоего свяшаго
Одной себѣ опрады жду!
Въ груди пожаръ; кругомъ шревоги;
Колючій шернь изъблъ мнѣ ноги!
Едва, болѣзненный, иду
Въ безвѣшный пушь, чрезъ знойны шпепи,
И смушны дни за мной, какъ цѣпи!..
Какъ грушень грушнымъ Божій свѣшь!
Но для души моей несчастной
На всей землѣ Твоей прекрасной,
Творецъ! уже ль опрады нѣшь?
Подай знакомую мнѣ руку!
Любви дыханьемъ подкрѣпи:
Тогда снесу я жизни муку,
Скажу душѣ моей: «Терпи!»

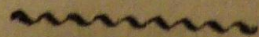
ГЛАСЪ БОГА ИЗБРАННОМУ ЕГО.

(Пророка Ісаіи, глава 43 и 45.)

Ты мой! и что твои враги?
Пускай острятъ мечи и стрѣлы:
Я самъ считаю ихъ шаги
И размѣряю ихъ предѣлы.
Не унижайся предъ судьбой:
Ты мой! и спражей легіоны
Сорвущъ съ пушей твоихъ препоны;
Иди, не бойся: Я съ тобой!
Коснись водамъ — и бурны воды,
Какъ агнцы смирные, заснушь;
И вокругъ себя, столпясь, народы
Тебя грозой не ужаснушь.
Иди безъ страха въ спрашный пламень,
Огонь тебя не опалишь;
Будь духомъ бодръ, будь вѣрой камень,
И надъ тобой вездѣ мой щитъ!
Зачѣмъ броня тебѣ желѣзна —
Защита слабая людей?

Коль мнѣ глава швоя любезна,
То кто дерзнешь коснушься ей?
Но знай: не пышными дарами
Ты милоспъ Вышняго кунилъ;
Ты мнѣ не жерпвовалъ овнами,
Ни еиміамомъ опъ кадилъ.
И что мнѣ ихъ кровавы жерпвы
И небеса копщящій шукъ?
Я не люблю молишвы мерпвыхъ;
Не мнѣ дары нечиспыхъ рукъ.
Ты спалъ въ грѣхахъ передо мною,
И я грѣхи швои омылъ,
И, какъ младенца пеленою,
Тебя я милоспью повиль!
И будешъ шы, чрезъ долги лѣша,
Какъ пальма свѣжая цвѣспи,
И, какъ высокая примѣша,
Ко мнѣ людей моихъ веспи.
Да вѣдаюшъ шеперь народы,
Судя, мой опрокъ, по шебѣ,
Что я, вода небесны своды,
Рачу и о земной судьбѣ.
Вошще земные исполины
Кичась, подъемлюшъ гордый рогъ:

Я есмь Господь и Богъ Единый!
Пускай другой прїидешь Богъ,
И зиждешь новую вселенну;
И имъ, спраснями ослѣпленнымъ,
Сїяешь въ новыхъ чудесахъ;
Пускай въ бездонныхъ висошахъ
Повѣсишь ни начемъ громады
И небо сводомъ наведешь,
И тайнымъ пламенемъ зазжешь
Неугасимыя лампы;
И, сѣющій, засѣешь Онъ
Свое лазоревое поле,
И, по своей единой волѣ,
Звѣздамъ и солнцамъ дасшь законъ;
И волны шумныхъ океановъ
Прольешь и сдержишь безъ бреговъ:
Кпо сей изъ мертвыхъ испукановъ
И безсловесныхъ ихъ боговъ?
Пусть обѣщаетъ имъ ограды;
Но кпо имъ сполько дасшь пощады?
Кпо большую, чѣмъ я, любовь?

ПЛАЧЪ ПЛѢННЫХЪ ІУДЕЕВЪ.

« На рѣкѣхъ вавилонскихъ тамъ сидѣхомъ ѿ
плачахомъ внигда поманѣти намъ Сіона. »

(Псал. 136.)

Когда, влекомы въ плѣнъ, мы сшали
Опъ снѣнъ Сіонскихъ далеки,
Мы слезъ ручьи не разъ мѣшали
Съ волнами чуждыя рѣки.

Въ печали, молча, мы грустили
Все по шебъ, свяный Сіонъ!
Надежды рѣдко намъ свѣшили,
И шѣ надежды были — сонъ!

Замолкли вѣще органы,
Зашихъ веселый нашъ шимпанъ.
Напрасно намъ гласяшъ шираны:
«Воспойше пѣснь Сіонскихъ спранъ!»

Сіона пѣсни — гласъ свободы!
Тѣ пѣсни слава намъ дала!

Въ нихъ тайны мы поемъ природы
И Бога Дивнаго дѣла!

Нѣмѣй органъ нашъ голосистый,
Какъ занѣмѣль нашъ въ рабствѣ духъ!
Не опозоримъ пѣсни чистой:
Не ей ласкашь злодѣевъ слухъ!

Увы! неволи дни суровы
Органамъ жизни не даюшь:
Рабы, влачащѣ оковы,
Высокихъ пѣсней не поюшь!

МОЛИТВА ДУШИ.

«Вонми гласъ молѣнїа моего, Црю мой ѿ Боже
мой: ѡкѡ къ Тебѣ помолюся Гдн.»

(Псал. 5.)

Къ Тебѣ, мой Богъ, спѣшу съ молишвой:
Я жизнью упомень, какъ бишвой!
Куда свое мнѣ сердце дѣшь?
Вездѣ зазывъ спраспей лукавыхъ;
И въ чашахъ золопыхъ — оправы,
И подъ правой душишой — сѣшь.
Тамъ люди спрояшъ мнѣ напаси;
А шупъ, въ груди, буншуютъ спрасши!
Разбишъ мой щипъ, копье въ куски,
И нѣшъ охранной мнѣ руки!
Я бѣдный нищій, безъ защишы;
Кругомъ меня кипяшъ бѣды,
И блѣдныя мои ланишы
Изрыли слезныя бразды.
Одинъ безъ вождя и безъ свѣша,
Бродиль я въ шемной жизни сей,
И быстро пролешали лѣша

Кипящей юности моей . . .
Вездѣ, холодные, смѣялись
Надъ сердцемъ пламеннымъ моимъ,
И нечесивые ругались
Не мной, но имянемъ Твоимъ.
Но ты меня, мой Богъ великой,
Покою въ буряхъ научилъ!
Ты верхоградъ въ пущыиѣ дикой
Небесной влагой упоилъ!
Ты сшалъ кругомъ меня оградой,
И, грустный, я дышу опрадой.
Увы! мой пущь — былъ пущь сѣшей;
Но ты хранилъ меня, Незримый!
И буря пламенныхъ спрасшей,
Какъ спрашый сонъ, промчалась мимо;
Запахъ превожный жизни бой . . .
Ощецъ! какъ сладко бышь съ Тобой!
Веди жь меня изъ сей шемницы
Во Свой незаходимый свѣшъ!
Все даръ свяшой Твоей десницы:
И долгоша и счастье лѣшъ!

СОЗЕРЦАНІЕ.

« ИСПОВѢСА ТЕБѢ ГДИ ВСѢМЪ СЕРДЦЕМЪ
МОИМЪ, ПОВѢМЪ ВСА ЧУДЕСА ТВОА. »

(Псал. 9.)

Твои глашу я чудеса!
Ихъ исповѣдую, мой Вышній!
Тебѣ молитвы сирыхъ слышны;
Несчастливымъ близки небеса!
Ты взялъ вѣсы Свои правдивы!
Дивлюсь, пою Твоимъ дѣламъ!
Безумный грѣшникъ злоспивый
Въ своихъ сѣняхъ увязнешь самъ.
Ты идешь къ намъ, Богъ дивный славы,
И небо радостью кипишь;
Но очи грѣшныхъ и лукавыхъ
Твой взоръ, какъ молнія, палишь!
Ликуйте жъ вы, друзья убоги!
Вашъ праздникъ, нищіе, наспаль:
Вамъ жизни скучныя дороги
Господь весельемъ осіаль!
Идешь . . . и несчастивыхъ радость

Бѣжишь, какъ гибнущая младоспѣ.
Воскреси, Господи, на судъ!
Се Ангелы Твои шекушь:
Да злые буйспивовашь не смѣюшь;
Пускай безумцы разумѣюшь,
Что челоуѣки лишь они!
Пускай смиряшя и препенущь!
Грѣмишь! . . . Твои перуны блещущь!
Ужь близки, близки грозны дни
И времена духовной жашвы. . .
Тебѣ слышались ихъ кляшвы,
Стуслилась шуча жаркихъ слезъ;
Какъ парь, восходящъ шяжки споны
Искашъ у Бога обороны,
И высота свяшыхъ небесъ
Ужь не вмѣщаешъ споновъ болѣ.
Но грѣшникъ все живешъ по волѣ:
Какъ просшъ, ломаешъ Твой законъ,
И, заглушая сердца спонъ,
Какъ волкъ изъ чащи вызираешъ,
Когда добычу спережешъ;
А бѣдныхъ агнцевъ Богъ пасешъ!
Ловцевъ на ловлѣ онъ хвашаешъ!
Онъ здѣсь; а грѣшникъ говоришь:

«Господь, какъ упружденный, спишь!
Его для насъ замкнулось око;
Земля опъ звѣздъ Его далеко.»
Воскресни жь, Господи, на судъ!
Пускай, кипящія, шекушь
Твои коснѣющія рапи...
Но грѣшныхъ не залей въ крови!
Лишь обновленьемъ благодати,
Творецъ, Ты землю обнови!
Идешь... препенещь чинъ природы
И зыблются небесны своды!
Идешь средь Ангельской хвалы!...
Кпо шамъ, на оспрѣ скалы
Споишь, какъ дубъ въ сшепяхъ высокій?
У ногъ его кишишь бѣда:
Онъ, молча, исчисляешь сроки....
Се Ангель крѣпкаго суда!
Онъ мразомъ на пресшупныхъ вѣпешъ;
Подъ нимъ, надъ ямою грѣховъ,
Туманъ погибели синѣпешъ...
Зачѣмъ быспрѣ бѣгъ часовъ?
За днями дни.... но груспешъ, какъ бремя,
Въ сердцахъ почила и лежишь!
Бѣжишь испуганное время

И тайный голосъ говоришь:
« Не уповайте на земное;
Оно обманетъ васъ, какъ пѣнь!
Наспанетъ скоро все иное!
Ужь близокъ, близокъ Божій день! »
Ты ихъ услышалъ споны бѣдныхъ
И мещишь громомъ на порокъ!
И я у васъ на лицахъ блѣдныхъ
Чишаю, грѣшники, вашъ рокъ!
Но вамъ еще одна дорога:
Она къ раскаянью ведетъ,
Неиспощима благость Бога:
Онъ покараетъ и спасетъ!

С Б Т О В А Н І Е.

« Оуслыши Гдѣи правду мою, возми моленію моему,
видши молитву мою не во оустнахъ льстивыхъ.

(Псал. 16.)

Услыши, Господи! я спражду!
 Темнѣюшъ шучи надо мной
 И я опрады сладкой жажду,
 Какъ нива въ полудѣнный зной!
 Вездѣ судьбы, людей угрозы;
 Я испощилъ и спонъ и слезы...
 О милосердый Богъ! внуши
 И сердца плачь и вопль души!
 Какъ паспырь, средь чужой долины,
 Забылъ я пѣсни счастья пѣшь.
 Кшо дасшь миѣ крылья голубины,
 Чшо бѣ въ лучшей край миѣ улешѣшь?
 Когда бѣ меня враги лукавы
 Влекли, какъ жершву, въ смершный ровъ!
 Нѣшь! въ чашу радосшей, оправы
 Кладушъ миѣ дружба и любовь!
 Я опдалъ все неблагодарнымъ;

Доколь же пируешь коварнымъ,
Лелѣя спрасни и порокъ?
Увы, слѣпцы! межъ вами рокъ
Незримый съ гибелію ходишь:
Не онъ ли шайно грусь наводишь
На васъ, ликующихъ въ пирахъ?
Почто не знаете покоя
На вашихъ золопыхъ парчахъ,
Среди забавъ душею ноя,
Какъ осужденные на казнь?
Зачѣмъ вамъ часно гибель снишся,
И къ сердцу робкому шѣснишся,
Какъ змѣй, холодная боязнь?
Нѣшь правды; осмѣяли совѣсь;
Корысь вашъ Богъ и мракъ вашъ свѣшь!
Увы! объ насъ какая повѣсь
Дойдешъ къ пошомкамъ позднихъ лѣшь!
А я, не жизни я веселой,
Творецъ! Твоей любви прошу:
Въ груди, опъ скорби омершвѣлой,
Живое сердце я ношу;
Оно, пронзенное, поскуешъ,
Какъ горликъ въ гибельной сѣши!
Пушь нечесшивыхъ сонмъ ликуешъ,

Но Ты забытыхъ посѣпи!
Что мнѣ до нихъ? Я не желаю
Ихъ благъ нечислыхъ для себя;
Въ моей поскѣ, какъ воскъ я шаю,
Но все надѣюсь на Тебя!

БОГУ СПАСИТЕЛЮ.

«Помощь моя от Бога, спасающая правды сердцемъ.»

(Псал. 7.)

Почто не молніей владѣю?

Мое холодное перо,
Не можешь начертать достойно
Моихъ благоговѣйныхъ чувствъ.
Воспоргъ волнуешь духъ мой пылкій!
Я слышу на себѣ крыль
И, полный жаромъ вдохновенья,
Землѣ покинувъ суеши,
Лечу не сырымъ въ безпредѣльность,
Въ страны таинственныхъ небесъ.
Душа, какъ свѣтлая молитва,
Какъ гимнъ священный изъ чистыхъ устъ,
Какъ дымъ отъ маслики душистый,
Къ Тебѣ возносится, Творецъ!
Къ Тебѣ, незримый Покровитель,
Слѣнца всезрящій, дивный Спраждь!
Твоя рука меня водила
По темнымъ жизни сей путямъ
И обвела вокругъ страшной бездны,

Не давъ скользяишь моимъ спюцамъ.
 Воище предчувствія шѣснили
 Мою шоскующую грудь:
 Онъ былъ мнѣ новъ и непоняшенъ
 Сихъ шайныхъ спражей шайный гласъ.
 Не зрѣлъ я спрѣлъ во шмѣ лешавшихъ
 Ни змѣи шиящихъ подъ спюпой;
 Но шолько шрепешную душу
 Сшѣснялъ какой-шо смершный хладъ!
 И вдругъ, казалось мнѣ, чшо кшо-шо
 Свѣщилъ мнѣ испишы лучемъ
 И осѣнялъ меня десницей
 И было шакъ: онкрылось все!
 Ты сокрушилъ ихъ шайны ковы,
 Мечи и спрѣлы изломалъ;
 И я еще хожу подъ солнцемъ
 И свѣщлымъ небомъ веселюсь!
 О, будь благословенъ, мой Дивный!
 Нѣшь словъ, я, молча, слезы лью!
 Въ обильномъ словѣ челювѣковъ
 Нѣшь выраженія для чувствивъ,
 Для безпредѣльныхъ любви,
 Для благодарности моей!

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ГОСПОДУ.

« Помилуй ма, Гди, виждь смиреніе моеъ »

Не до конца забвенъ вѣдетъ нищій. »

(Псал. 9.)

Услыши, Господи, мой гласъ,
 Души печальныя молишвы!
 Ее кругомъ обходишь сѣшь
 И пагуба къ ней хищны длани!
 И черный страхъ надъ ней повисъ,
 Какъ коршунъ надъ своей добычей!
 Закрой меня отъ сонма злыхъ!
 Помилуй, Господи, помилуй!
 Они условились впиши
 И собираются, какъ звѣри,
 Тобой хранимыхъ разперзашь . . .
 Но не молчашь ни кровь, ни слезы.
 Онѣ, дымясь, шепчуть до звѣздъ,
 Сихъ спражей, сихъ очей небесныхъ!
 Смѣясь безумцы говорятъ:
 « Кто узришь насъ? Подъ ризой ночи
 Пушями шайны мы пройдемъ
 И будемъ пиръ спраснямъ роскошный! »

Но Ты внезапно освѣшилъ
Твоими грозными огнями
Свой свяшья небеса!
И Ты заспалъ ихъ на ловишвѣ,
Въ коварныхъ замыслахъ заспигъ,
И обличенные блѣднѣюще
Предъ окомъ пламеннымъ Твоимъ!
Ты высоко вознесся, Дивный!
И гдѣ они — Твои враги? . . .
Какъ вихремъ пыль, гонимы спрахомъ
Трясушся въ дерзоспи своей!
И дѣши вяжушъ исполиновъ,
Крѣпясь о Имяни Твоемъ!
И пѣснь гремишъ: «Еговѣ слава!
Великъ въ дѣлахъ и дивенъ Богъ!»
Сей кликъ, какъ свѣшдая молишва,
Течешъ высоко въ небеса!
И херувимъ, перелешая
Изъ міра въ міръ, слышалъ пѣснь,
Земли далекій ошголосокъ,
И легионамъ звѣздъ воспѣлъ:
«Земля гремишъ Еговѣ славу:
Великъ въ дѣлахъ и дивенъ Богъ!»

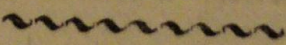

ПРОЩЕНІЕ.

« Блаженъ, иже оставиша беззаконія. »
(Псал. 31.)

Блаженъ, кого Господь избавишь
 Опшъ сѣши пагубной грѣховъ,
 Кого на правый путь наспавишь
 Его высокая любовь!
 Онъ любилъ добрыхъ и неспивыхъ;
 Но спрашенъ Богъ для нечеспивыхъ!
 Я исчезалъ, какъ упромъ шѣнь,
 Въ болѣзняхъ кости обвѣшшали;
 И очи слезъ не осушали;
 И былъ мнѣ шемень красный день;
 Какъ черная смола, кипѣла
 Въ груди свирѣпая шоска,
 И Бога гнѣвнаго рука
 Надъ слабымъ смершнымъ пягошѣла!
 Но буря жизни прошекла,
 И жизнь оняшь какъ день свѣшла!
 И я свяшый слышалъ голось:
 « Иди, швой Богъ шебя блюдешь!
 Ты Мой! И не единый волосъ

Съ швоей главы не упадешъ! »
О, сколь великъ Господь надзвѣздный!
Когда бь мой гласъ, какъ шумъ ошъ бездны,
Высоко въ небо возшекалъ,
Тогда бь я весь хвалою спалъ!
Но, слабый, въ брennomъ семъ соспавѣ
Чшо возгласу передъ Творцемъ,
Когда Онъ, Дивный, въ грозной славѣ,
Идешъ на дольний мѣръ судомъ?
Земля, какъ грѣшница, шрепещешъ,
Когда въ перунахъ мѣшкихъ блещешъ
Свяшая правда. Но Творецъ,
Будь спрашенъ громъ Твой нечеспивымъ
Ты сломишь выи горделивымъ,
А бѣдному не Ты ль Ошецъ?

ЖАЖДА ПОКОЯ.

«Прїидоухъ во гавины морскїа, и вбра потопа
ма. Оутрѣдїхса зовїи, измоаче гортань мой:
исчезостѣ очи мой.»

(Псал. 68.)

Покоя, мой Творецъ, покоя!
 Покоя просишь у Тебя
 Моя душа въ спрэдани ноя,
 Ошь скорби позабывъ себя!
 Какъ пушникъ на степи песчаной,
 Палимъ полуденнымъ огнемъ;
 Какъ рашникъ со смерпельной раной;
 Какъ жершва подъ шупымъ ножемъ,
 Такъ я, измученный, спрадаю
 Подъ тяжесшью моей шоски!
 Но муки я благословляю,
 Какъ даръ свяшой Твоей руки.
 Я слышаль шамъ, въ поляхъ лазури,
 Гдѣ свѣшель, какъ любовь, эфиръ,
 Не воскипающъ шумны бури
 И вѣчно вѣешь сладкїй миръ.
 Тамъ у Тебя все жизнь и сладосшь,

О милосердый мой Творецъ!
Тамъ хлѣбъ — любовь; пишье шамъ — радость;
Но Ты и намъ земнымъ Опецъ!
Не позабудь же чадъ спенящихъ
Въ порокахъ, въ скорби и въ спрасяхъ,
Скипальцевъ въ сумракахъ бродящихъ,
Или въ оковахъ, иль въ сѣпяхъ!
Буншуютъ бури, плещутъ волны,
Мы въ буряхъ носимся пловцы!
Насъ предають пучинамъ чолны,
Вездѣ намъ гибель и ловцы!
О, будь же Ты для заблужденныхъ
И вождь и пушеводный свѣщъ!
Тревогой жизни оглушенный,
Мертвецъ средь пылкихъ жизни лѣщъ,
Я жажду сладкаго покою!
Оспрадный лучъ вопще ловлю!
Молю шебя моей поскою,
Моимъ спраданіемъ молю!
Помилуй, мой Господь, помилуй!
Дай хощь минушный мнѣ покой;
И падшаго меня безъ силы,
Воздвигни сильною рукой!

Р А З К Л А Я Н І Е.

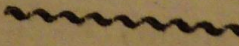
« Помни́ди ма, Боже, по велицѣи милости
твоѣи, и по множествѣ щедрости твоихъ
очи́сти беззаконіе мое. »

(Псал. 50.)

Помилуй, Господи! меня,
 По милоспи Твоей великой:
 Я въ мірѣ, какъ въ пуспынѣ дикой,
 Хожу поскуя и спеня!
 Лежишь, какъ съ гроба хладный камень,
 На груспномъ сердцѣ тяжкій грѣхъ,
 И душу, чуждую ушѣхъ,
 Крушишь, снѣдаешь шайный пламень.
 Я знаю грѣхъ лукавый мой:
 Онъ весь явился мнѣ предъ очи,
 И обличилъ сей нѣмой,
 Стоишь какъ призракъ въ полуночи.
 Пошли мнѣ, Боже, чиспопу!
 Грѣхомъ повишь, какъ пеленою,
 Я рано брошенъ въ суешу
 И соимъ спрасшей играешь мною!

Съ грѣхомъ рожденъ, въ грѣхѣ живу:
Онъ помрачилъ мою главу!
Но Ты, во благоспи свѣшлѣя,
Меня усопомъ окропи!
И буду снѣга я бѣлѣя...
Всемощный! духъ мой укрѣпи!
Пошли, съ Твоихъ небесъ, мнѣ радость
И раны сердца заживи,
И увядающую младость
Души печальной обнови!
О, дай мнѣ, Боже, сердце чисто!
И да свѣшлѣешь шакъ мой духъ,
Какъ ушромъ благовонный лугъ
Сіяешь влагою росисшой.
Ахъ! не покинь меня Творецъ,
Своею благостью небесной:
Ты въ шайнахъ мудроспи безвѣспной
Меня насшавилъ какъ Опець!
Но днесъ я какъ шимпанъ забышый:
Господь! возьми меня, исправь!
Грѣховной пылію покрышый,
Я шакъ нечиспъ, и шакъ лукавъ!
Молюсь, смиряюсь предъ Тобою!
И сладоспно смиренье мнѣ!

Молчу, мирюсь съ моей судьбою,
И жду, безмолвно, въ тишинѣ,
Что приведушь мнѣ жизни лѣта.
Но я во тмѣ — и жажду свѣта,
Изъ цѣпи вырваться хочу:
Спаси меня, о Богъ вселенной!
Тогда я, духомъ обновленный,
Вѣкамъ воспою мой прозвучу.
Мой гласъ промчится въ поздні годы:
Я возвѣщу въ роды родовъ,
Что Богъ простершій звѣздны своды,
Есть весь — и милость и любовь;
Что Онъ всегда, повсюду съ нами,
Зовешь, влечешь къ себѣ сердца;
Что, смывши мглу съ очей слезами,
И грѣшникъ видишь въ Немъ Ошца!

ПАМЯТЬ О БОЖИХЪ СЛОВАХЪ.

« Припадѣ землѣ душа моя: живи ма по
словеси твоему. »

(Псал. 118.)

Еще на тѣ же раны спрѣлы!
Живаго мѣста въ сердцѣ нѣтъ!
Но тайный рокъ разсвирѣблый
Меня шѣснилъ отъ раннихъ лѣтъ!
Въ слезахъ я жизнь младую вспрѣшилъ;
Мнѣ чуждъ былъ всѣмъ родимый мѣръ;
Я не званъ къ счастію на пиръ
И счастья въ буряхъ не примѣшилъ:
Мое все доброе — какъ сонъ,
И помню я лишь сердца спонъ!
Меня могучее волненье,
Какъ брошенный челнокъ, влекло,
И рано грустное сомнѣнье
И умъ и сердце облегло.
Я съ жизнью, какъ съ волнами, бился;
Но притаясь отъ враговъ,
Къ Тебѣ, мой Богъ! сберегъ любовь

И впайнѣ все Тебѣ молился!
И мнѣ казалось часно, Ты
Какъ будно бралъ во мнѣ учасье;
И мнѣ неясныя мечшы
Какое-то сулили счасье.
Шепсаль мнѣ часно сладкѣй гласъ:
« Не унывай, что жизнь какъ бремя!
Минуешь годы, придетъ часъ
И лучшее наспанешъ время.
Не погашай души въ слезахъ:
Есть око въ вышнихъ небесахъ! » . . .
Но годы вихремъ быспрымъ мчали,
Какъ лиспъ осеннѣй, жизнь мою:
Печали сердце разшерзали,
Какъ враны добычу свою.
Когда жъ придетъ? . . . О Милосердый!
О Богъ, въ своихъ обѣспахъ швердый!
Когда ушѣшенный Тобой,
Окончу я съ бѣдами бой?
Какъ дивны камни самоцвѣшны,
Какъ сердца шайную любовь,
Берегъ Твоихъ я шайну словъ,
Иди сквозь бури многолѣшны.
Еще со мной Твои слова. . . .

Но вопшь, ошь слезъ старающъ вѣжды!
Ахъ, лучшія мои надежды
Прошли, какъ ложная молва. . .
Но долго ль шакъ еще скипашься?
И все ль шакъ шемень будешъ пушь?
И долго ль млѣшь и надрываешь?
Ошь груспи наболѣла грудь.
Ощецъ! уже ль сей мѣръ прекрасный
Ты бросилъ грѣшнымъ и бѣдамъ?
Уже ли шруженикъ несчастный
Не сыщешъ вѣкъ спези въ Твой храмъ?
Воскресни жь Боже, Боже правый!
Уже вездѣ грѣхи кипящъ;
Пируешъ въ замыслахъ лукавый;
Твоихъ людей какъ хлѣбъ ѣдешъ!
Но пушь шекушь печальны лѣшны!
Твои я помню словеса:
Пройдушь, склубившись, небеса,
Но не пройдушь Твои обѣшны!

КЪ БОГУ ВЕЛИКОМУ,
ЗАЩИТНИКУ ПРАВДЫ.

« Суди Гди свидѣцѣма ма, повори воруцѣма
ма. Прїими орѣжіе и щитъ. »

(Псал. 34.)

Суди и разсуди мой судъ,
Великій Боже, Боже правый!
Враги на бой ко мнѣ идушъ
И съ ними замыслы лукавы
Ползущъ, какъ черныя зміи...
За что? Въ чемъ я предъ ними виненъ?
Имъ кажешся и вѣкъ мой длиненъ
И красны слезы имъ мои.
Я съ шихой дѣшскою любовью
Такъ приспально ласкался къ нимъ:
Теперь моей омышья кровью
Бѣгушъ съ неисповсѣвомъ своимъ,
Въ своей неушолимой злосши.
Уже сочли мои всѣ косши,
Назначивъ днямъ моимъ предѣль;

И на свою надѣясь силу,
И ножъ и шемную могилу
Мнѣ въ горькій обрекли удѣлъ.
Возспань же, двигнись, Богъ Великой!
Возьми оружіе и щипъ,
Смуши ихъ въ радости ихъ дикой!
Пускай грозой Твоей вскипишь
И океанъ и сводъ небесный!
О дивный Богъ! о Богъ чудесный!
У ногъ Твоихъ лежишь судьба
И ждущъ Твоихъ велѣній вѣки:
Что жъ предъ Тобою человѣки?
Но крошкая души мольба,
Души, любовью вдохновенной,
Лепишь свободно по вселенной
Въ зазвѣздны, въ дальни небеса.
Творецъ, творенью непоняшій!
Тебѣ вездѣ шакъ ясно вняшны
Людей покорныхъ словеса!
Пускай свирѣпосшью пылаюшъ;
Но шолько Твой раздаспся громъ;
Они, надменные, разспаюшъ,
Какъ мягкій воскъ передъ огнемъ!
Какъ прахъ, какъ мершвый лиспъ осенній

Предъ бурей воющей лепишь,
Исчезнушь силы дерзновенныхъ!
Идушь — и зыбкій доль дрожишь,
Поля конями ихъ покрыши . . .
Но, Сильный, Ты на нихъ блеснешь
И звонкіе коней копыши
Однимъ ударомъ опсѣчешь
И охромѣюшь грозны рапи . . .
Сколь дивны шайны Благодати!
Ты даль мнѣ видѣшь высопы!
Онъ снялъ повязку слѣпопы
Съ моихъ очей, Твой Ангель милый:
Я зрю . . . о ужась! зрю могилы,
Какъ будшо гладныя уша,
Снѣдаюшь шрупы нечеспивыхъ . . .
Кругомъ глухая пуспоша!
Лишь шучи вороновъ крикливыхъ
И спай воющихъ волковъ,
Лешяшь, идушь на пирь какъ госпи,
Чшо бѣ грѣшниковъ разхишишь коспи
И жадно полизашь ихъ кровь!
Горяшь высокіе пожары
И слышанъ буншь спрасшей въ сердцахъ:
Вездѣ незримые удары

И всюду зримо ходишь спрахъ.
О, грозень гнѣвъ Твой всегромящій!
И спрахомъ все поражено:
Опъ пшицы въ облакахъ парящей
До рыбы канувшей на дно
Морей пѣнящихся глубокихъ.
Но въ день судьбъ Твоихъ высокихъ,
Твой рабъ, снѣдаемый поской,
Не убоишься бурь ревущихъ:
Тебя по Имяци зовущихъ
Спасаешь мощной Ты рукой.

СИЛА ИМЯНИ БОЖІЯГО.

« ОВЫШЕДШЕ ШЕВДОША МА » И ИМЕНЕМЪ
ГДНИМЪ ПРОТНБАХСА ИМЪ. »

(Псал. 117.)

Лѣса надъ безднами дремали
И ночь превожилъ бури шумъ
И скимны гладные рыкали.
Онъ полонъ былъ высокихъ думъ,
Сей паспырь призванный опъ спада,
Хранимый Господомъ Давидъ!
Скалы — послѣдняя ограда,
И другъ ему пуспынный видъ.
Чьи копыта зыблются, какъ класы,
При дальнемъ заревѣ огней?
Шумящъ по звонкимъ безднамъ гласы
И кликъ и шопшы коней . . .
Сауль, какъ призракъ ночи черный,
Слѣсняетъ юношу кругомъ;
И, съ первымъ ушреннымъ лучемъ,
Нахлынешъ врагъ, какъ шокъ нагорный.

Увы! погибъ Ессѣевъ сынъ...
Но онъ, бѣдамъ непокоренный,
Душей и вѣрой исполинъ,
Воспоргомъ шайнымъ упоенный,
Съ спрунами голосъ согласивъ,
Поешь свой гимнъ высокій, спройный,
Какъ будно паспырь, въ часъ спокойный,
Вблизи родныхъ цвѣтущихъ нивъ:
« Не бойшесь, други! ярой месши,
Не унижайшесь предъ судьбой:
За дѣло правды мы и чесши
И за опчизну держимъ бой...
Я бѣднымъ паспыремъ родился
И смирно пасъ мои спада;
Но вдругъ — миѣ рядъ вѣковъ опкрылся
И подвигъ славы и шруда!
И я волненье лѣшъ кипящихъ
Молишвой крошкой одолѣлъ
И паче всѣхъ меня учащихъ
Судьбы времянь уразумѣлъ.
Я зрѣлъ природу безъ покрова,
Вселенну духомъ обшекалъ;
И Бога имяни свяшова
Я шайну спрашную позналъ!

Возспали, движущся народы
Идушь искашь моей души,
Искашь Израиля свободы.
Зачѣмъ въ полуночной пиши,
Мои лукавые злодѣи
По камнямъ крадешесь какъ змѣи?
Текушь какъ волны на оплошь!
Какъ пчелы на душистый сошь!
Какъ по сухимъ лѣсамъ пожары!
Гоповьшесь, храбрые друзья,
Безспрашьемъ вспрѣшишь ихъ удары!
Мужайшесь: Бога призывалъ я! »
И только Имя онъ святое
Успами чисными изрекъ,
Вдругъ шумъ, какъ сто кипящихъ рѣкъ,
Попекъ на полчище гусное,
Какъ бурный вихрь на темный лѣсъ:
Лешяшь и кони и возницы!
На пѣшихъ рвущся колесницы!
Дробяшся шрупы межъ колесъ!
Ряды сшибающся съ рядами,
И мечъ на мечъ, и щипъ на щипъ;
Бѣгушь и спѣляшся грядами
И конь и всадникъ въ ровъ гремишь!

СУДЪ И МИЛОСТЬ.

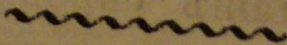
«Правда предъ нимъ предъидеть, и
положитъ къ нѣмъ стопы свои.»

(Псал. 84.)

Сколь Ты правдивъ съ Своей судьбой,
И какъ о Боже, мы лукавы!
Всегда передъ собою правы,
Всегда виновны предъ Тобой!
Я вижу шамъ неколебимо
Ушверждены Твои вѣсы:
И ходящъ ошъ вѣковъ незримо
Размахи гибельной косы...
Склоняйшесь, гордые, до праха!
На судъ глядѣшь дерзнете ль вы?
Падише ницъ! иль ошъ размаха
Какъ класы полешяшъ главы!
Они рекли: «Ему ль до казни!
Онъ все просишъ: Онъ благъ и шихъ!»
И развращались безъ боязни
И грѣхъ заросъ въ косьяхъ у нихъ!
Ахъ! если бъ знашь какъ Правосудень,

Какъ все незримо зришь Творецъ!
И какъ къ спасенью пушь намъ шрудень
Когда на судъ придешь Опецъ!
Я видѣлъ небо вспрепешало
Когда Онъ правдой возсіялъ,
Не кончивъ бѣгъ свой время спало
И Серафимовъ спрой упалъ,
Закрывъ лице свое крылами . . .
Трещали звѣзды на осяхъ
И горній опзвѣвъ вшориль : « Спрахъ ! »
Чшо жь человѣки съ ихъ дѣлами?
Но, Боже, пощади людей:
Они наказаны довольно!
Рабы мучительныхъ спрашпей
Они Тебя непроизвольно
Своей гнѣвили слѣпошой!
Родясь съ веригами порока,
Въ долинахъ смерши, въ узахъ рока,
Скишался родъ нашъ сиропшой.
Но придешь часъ, какъ Ты руками
Свои раздвигнешь небеса
И выйдешь съ горними полками . . .
Я зрю грядущи чудеса:
Земное сердце застонало,

Лѣса посплались какъ права,
И побѣжали оспрова,
И горь подоблачныхъ не спало!
Горишь ошь молній висоша...
Но съ глазъ низпала слѣпоша
И видяшь блескъ безсмертной славы!
И рухнулъ въ прахъ сей міръ лукавый!
И рвущя всѣхъ къ Тебѣ сердца,
И всѣ, узнавъ въ Тебѣ Ошца,
Ломаюшь дольную шемницу;
И кинулись лобзашь десницу
И прахъ Твоихъ священныхъ ногъ!
Ты подаришь насъ жизнью новой!
Сорвешь грызущи насъ оковы
И будешь намъ Ошець — нашъ Богъ!

И С П Ы Т А Н І Е.

«Азъ выхъ поношеніе имъ: видѣша ма,
покивѣша главами своїми.»

(Псал. 108.)

Ушли, распались, убѣжали,
 И смопрятъ всѣ издалека,
 Чшо гложушъ сердце мнѣ печали,
 Чшо давишъ, жжешъ, палишъ шоска...
 Какъ пшица осени глубокой,
 Въ шуманѣ вечера сыромъ,
 Сижу я въ туспи одинокой,
 Какъ вранъ на камнѣ гробовомъ.
 Давно ль еще къ заздравной чашѣ
 И я скликаль друзей моихъ
 И съ дружбой жизнь была мнѣ краше?
 Но черный день — и пиръ зашихъ...
 Такъ сѣнолиспвенное древо
 Сзываетъ пшицъ на свѣжій лиспъ
 И веселишя ихъ напѣвомъ...
 Но хладныхъ бурь промчипся свиспъ
 И сиръ и нагъ, въ спени широкой,

Госпепріимецъ одинокой!
Одинъ лишь Ты не измѣнилъ!
И шайный лучъ Твой освѣшилъ
Мои шерновыя дороги:
Твоя рука, среди превоги,
Меня забопливо вела.
Какъ жизни ночь съ Тобой свѣпла!

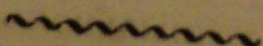
П Р А З Д Н И К Ъ Д У Ш И.

«Благослови душе моя Госда, и вса внутренная моя,
имя стое егво . . . Исполняющаго во благихъ
желаніе твое: обновится яко брада юность
твоя . . . Щедръ и милостивъ Госдъ.»

(Псал. 102.)

Я праздную, мой Богъ, свое перерожденье!
 Я пѣснь любви Тебѣ пою!
 Я въ воздухѣ Твоемъ вкушаю наслажденье
 Въ Твоей водѣ я радость пью!
 Онъ опошеть, съ кипящими спрашьями,
 Сей суешный, сей буйный міръ!
 Не миѣ шумишь его безумный пиръ,
 Съ его приманками и цѣпкими сѣшьями!
 Зовешъ, манишь, лешучій рой забавъ,
 Въ пранезѣ жизни взяшь учасье;
 Но яшвы всѣ полны оправъ:
 Въ нихъ зелья сыпали порокъ и сладоспрашье!
 Нѣшъ! нѣшъ! я не хочу
 Идши опяшь погибельной спезею;
 Какъ червь сшавъ мошылкомъ, я радостно лечу

Надъ спрашной, подо-мною, ползущею змѣею.
 Я чувствами разцвѣлъ, я слышу свѣжесць силъ!
 И вновь воскреснувшій и окриленный снова,
 Ношусь, не прогая земнова,
 Надъ вѣшхой добычей могиль.
 Опяшь мнѣ все даришь и жизнь и сладосць!
 Какъ ласковы ко мнѣ ночныя небеса!
 Опъ нихъ мнѣ на душу таинственна радость!
 Ты убѣлила духъ, ты опдала мнѣ младосць,
 О живоносная, небесная роса!
 Я, съ дѣшской пѣснью, спѣшу къ иной опчизнѣ!
 Ужь вѣешь аромашъ прекрасной, новой жизни
 И небо говоришь, какъ другъ, съ душой моею!
 Спрасъми размученный, въ ихъ пламѣ обожженный,
 Я умиралъ подъ ношею скорбей;
 Но Ты возрѣлъ, мой Богъ, и, фениксъ возрожденный,
 Я ожилъ — и, съ земныхъ сорвавшійся цѣпей,
 Какъ лебедь на моря лазоревыхъ зыбей,
 Лечу, лечу душею обновленный. . .
 О, пой! не умолкай, весны младый пѣвецъ!
 Сіяйше небеса, ложась въ земныя воды!
 Слешайшесь къ намъ, сыны надзвѣздныя природы:
 Одинъ у всѣхъ насъ Богъ! Одинъ у всѣхъ Отецъ!

ПРЕХОДЯЩІЙ МІРЪ.

« Не надѣйтесь на князи » на сыны чело-
вѣческіа » въ нѣхъже нѣсть спасеніа. »

(Псал. 145.)

Не уповайше на князей,
 На сихъ свѣшилъ безсвѣшныхъ свѣша,
 На ласку ложнаго привѣша,
 На блескъ обманчивыхъ связей!
 Я знаю ихъ, и ихъ чершого!
 А вы, земные полу-боги,
 Кумиры суешной молвы,
 Какъ и въ богатствѣ бѣдны вы!
 Ихъ блѣдныхъ, смущныхъ, спроси гложашъ,
 Какъ змѣи черепъ мертвеца;
 И неусыпные сердца
 Мечшы и призраки превожашъ.
 Злапо-поклонники въ душѣ!
 Вы Бога чпите лишь усшами:
 И сладко живъ вамъ въ суешѣ
 Другъ друга рѣзашъ клеветами!
 Зачѣмъ не прежній госнъ полей?

Бѣгушь судьбы пвоей часы . . .

.

.

Раздвинулись, какъ мраки ночи,

Какъ горы, тяжкіе года:

Что чуешь духъ, что видяшь очи?

Порывъ души моей куда? —

Ошколѣ мнѣ шакъ сладко вѣнешь?

Гдѣ та свяшая спорона,

Гдѣ все шакъ жизнью свѣшлѣнешь,

Гдѣ вѣчный жинель — шишина?

Я васъ зову, я васъ лобзаю,

Я вижу васъ грядущи дни!

Я шакъ васъ сердцемъ обнимаю

Какъ пушникъ дальніе огни,

Когда въ ночи и безъ дороги . . .

Гдѣ дѣлись прежнія превои?

Гдѣ міръ съ безумной суешой?

Всѣ усмирились, всѣ покойны,

Сладкоглаголивы и спройны,

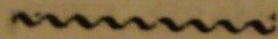
Какъ спруны лиры золошой . . .

Тамъ нѣшъ ни счеша, ни раздѣла,

Нѣшъ двухъ, ни шрехъ — вездѣ одно!

Тамъ нѣшъ для счассія предѣла

Тамъ счастье не на срокъ дано...
Повѣй, повѣй, спрана оспрады!
Больное сердце заживи!
Твой сладкій воздухъ изъ любви!
Я вижу Божіи ограды!
Семья людей опяшь съ Опцемъ!
Какъ баснь, забышы кровь и бои,
Сспрасшей душевные разбои,
И спаль для міра — миръ вѣнцемъ!

ВЕЗДЪСУЩНОСТЬ БОГА.

« Кѣмъ пойдѣ ѿ Дѣа Твоегѡ. »

(Псал. 138.)

Уйду я, Боже! опъ Тебя:
 Твой крѣпкій Духъ меня смущаешъ,
 Твой взглядъ сквозь душу пролешаешъ,
 Но гдѣ укрою я себя?
 Я въ безпредѣльности эфира;
 Лешѣлъ съ небесъ на небеса:
 Твои повсюду чудеса,
 И нѣшъ нигдѣ предѣловъ міра...
 Я швердъ и звѣзды вопрошалъ:
 Кто правишъ свѣшлымъ вашимъ хоромъ?
 И горній міръ мнѣ опвѣчалъ:
 « Незримый Богъ насъ водишъ взоромъ! »
 И, убоявшись вышины,
 Я полешѣлъ до мѣспъ родимыхъ;
 Но, въ кругѣ звѣздъ Тобой водимыхъ,
 Явился въ дивной славѣ Ты!
 Какъ искры гасли и сверкали
 У ногъ Твоихъ шмы шемъ свѣшилъ:

* *

И въ шишинѣ свяшой спояли
Твои полки небесныхъ силъ . . .
Я въ адъ низринулся спрѣлою:
Тамъ смерть пасетъ свои стада
Въ поляхъ покрытыхъ вѣчной мглою.
Тамъ вѣчный пламень, какъ вода,
Бѣжитъ кипучими рѣками;
Тамъ слышенъ древній, тяжкій спонъ
Непрерываемый вѣками;
Туда не сходишь сладкій сонъ
На несмыкаемыя вѣжды;
Тамъ не видалъ никто надежды;
Но тамъ разлишь, какъ воздухъ, страхъ!
И въ сихъ пустыняхъ опчужденныхъ,
Я зрѣлъ, горю въ лучахъ священныхъ,
Священное — ЕГОВАГЪ!
Итакъ, коль все Тебѣ подвласно
И на землѣ и въ небесахъ,
То я ужъ вижу, мнѣ напрасно,
Въ моихъ разкованныхъ мечпахъ,
Скипашься по Твоей вселенной:
Опдай душѣ моей покой!
Да я, глубоко покоренный,
Почю подъ Твоей рукой . . .

О, дай мнѣ попоушь въ лазури
И въ золошѣ Твоихъ небесъ:
Забышь земли мяшежной бури
И памяшь мукъ и горькихъ слезъ!
Идешь! ужь близко испышанье!
И скоро жизнь замрешъ въ сердцахъ,
И вскрикнушь мершвые въ гробахъ,
Послышавъ спрашное призванье....

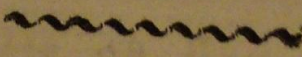
ГОЛОСЪ ДУШИ.

«Бла́гоу мнѣ» ꙗко смири́лъ ма еси́.»
(Псал. 118.)

Благодарю Тебя, мой Богъ!
 Чшо Ты смири́лъ меня спрада́ньемъ!
 И, испышуя испы́паньемъ,
 Во мнѣ, меня земнаго сжегъ
 Огнемъ чистипельнымъ небеснымъ.
 Съ спрасшми и съ сердцемъ конченъ бой!
 Я предъ могущесивомъ чудеснымъ,
 Поникъ смиренною главой.
 Блажу Тобой мнѣ данну муку,
 Влекусь какъ жершва предъ алшарь;
 Но мысленно лобзаю руку
 Твою, мой Богъ, Ошець, мой Царь!
 Какъ спрашно грудь мою шерзали
 Мои душевныя печали!
 Во мнѣ живаго мѣста нѣшъ!
 Я исчезалъ какъ раздробленный!
 Но мнѣ блеснулъ цѣленья свѣшъ
 И я воскреснулъ обновленный!

И мнилось мнѣ, я спалъ не я!
Мои всѣ мысли засвѣплѣли!
И, какъ младенецъ изъ купели,
Душа омылася моя!
Гдѣ жъ бунтъ спросишь? гдѣ скорби пламень?
Оспаль ошъ сердца шяжкій камень
И я, какъ будшо не земной:
Я примирился самъ съ собою,
Съ людьми и съ міромъ и съ судьбою
И упиваюсь шишиной.
Спрямясь къ сіяню совершенства,
Подъ шемношой гремящихъ шучь,
Я зналъ ли, что враша блаженства
Спраданья опираешъ ключь!
Блажу, пою Тебя, мой Вѣчный!
Я вырванъ изъ земныхъ оковъ!
Приди жъ на праздникъ мой сердечный,
Приди небесная любовь!
Но что? Не пыль послалъ мнѣ радость?
Ошколь бѣжишь мнѣ въ душу свѣтъ?
О чудо! Онъ мнѣ ошдалъ младость
И беззаботность дѣшскихъ лѣтъ!
Какъ мнѣ легко! какъ я свободенъ!
Какъ въ чувствахъ новъ и благороденъ!

Опяшь мнѣ день, какъ прежде, миль!
Опяшь сладка прохлада ночи!
О, радуйшесь! пишайшесь очи!
Сіяньемъ Божіихъ свѣшилъ!
Мнѣ весело надъ океаномъ
Лешашъ свободною мечпой,
И взвишья съ упреннимъ шуманомъ
Подъ сводъ лазурно-золошой.
Въ сіяньи неба меркнушъ взоры;
Земной огонь погасъ въ крови;
Но сердце шаешъ ошъ любви,
Заслышавъ Ангельскіе хоры...
Хвала, хвала Тебѣ, Творецъ!
Не поспыдилъ Ты упованья:
За черной завѣсой спраданья
Ты Благъ и свѣшѣль, какъ Опецъ!

Х В Л Л А.

« Хвалите Б҃га во стѣихъ его. Хвалите его на силахъ
его: великое дыханіе да хвалятъ Г҃да. »

(Псал. 150.)

Соединимся, воспоемъ!

Вы звѣзды, зыбкими лучами,
Дрожащи въ мушныхъ облакахъ!
Ты, съ шумомъ, вѣющая буря!
И вы, небесъ безбрежныхъ силы!
Соединишесь все со мной:
Да славимъ милость Иеговы,
Да въ Бога воспоемъ Отца!
Онъ дланью поднялъ человека,
Кощерога коварный мѣръ,
Связавъ веригами грѣха,
Зарылъ глубоко въ тлѣбахъ шлѣнья
И завалилъ горой забвенья...
Не удайся онъ меня,
Благоговѣйныхъ чувствѣй сладость!
Ты мнѣ даешь и жизнь и младость!
Ты вѣешь на душу какъ вѣтеръ

На разкаленную пустыню.
Тобой я Бога зрю Святыню
И къ ней влекусь и къ ней лечу,
Какъ мошылекъ на яркій пламень;
И я, безчувственный какъ камень,
Я шаю въ счастіи небесь!
Все выше, выше — я исчезъ
Въ безбрежности любви и свѣща,
Гдѣ нѣтъ предѣловъ, ни конца...
Кто шамъ, гдѣ неизвѣстно время,
Гдѣ нѣтъ ни мѣры, ни числа;
Гдѣ все безсрочно, безпредѣльно,
Гдѣ, въ безконечности свяшой,
Неиспытуемая Вѣчность,
Какъ бездна шайная безъ дна?
И все сіе не естъ мечшанье,
Условный образъ иль Хаось:
Но все существенность, порядокъ,
Все умъ и свѣтлосць и чреда,
И нерушимое устроиство.
Вездѣ Гармонія поешъ
Хвалы міровъ, хвалы вселенной,
Міры, вселенную и все
Въ Себѣ вмѣщающему Богу...

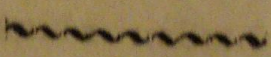
Но кто жь Онъ, сей великій Богъ?
Кто посылаетъ Серафимовъ
Міры сдвигашь и воздвигашь,
И вѣсишь солнца, и безмѣриность
Полей надзвѣздныхъ измѣряшь . . .
Кто, въ холодбющемъ проспранствѣ,
Велишь огонь свяшой беречь
Своимъ огниснымъ Херувимамъ
Въ движеніи пламенныхъ колесъ?
Чьи блещушь свѣшлые Прешолы,
Въ непоспизимыхъ висошахъ?
И чьи необозримы Власпи,
Дряхлбющей вселенной часпи
Связуюшь вервиемъ живымъ?
Чьи ходяшь по вселенной Силы
И держашь зданіе небесъ?
Предъ кѣмъ Архангелы нѣмбюшь
И широшой лазурныхъ крыль,
Смущенны закрываюшь лики?
Предъ кѣмъ ихъ свѣшлые полки
Воздвигли радужны знамена?
Кому свяшая нѣснь гремишь?
Къ кому лепяшь сіи народы
Прекрасныхъ Ангеловъ младыхъ?

Какъ пчелы надъ сопами меда,
Они рояшся по спезямъ
Великой Божескія Славы
И пьюшъ восшоргъ и жизнь и сладость,
Лобзая прахъ его слѣдовъ!
Куда жъ грядешъ Онъ Вседержитель?
Вѣсы и мечъ въ Его рукѣ!
Онъ вѣсипъ зданіе вселенной
И судипъ правды оспріемъ!
И се, какъ мудрый вершоградарь,
Онъ все изплѣвшее опсѣкъ
И запалилъ огнемъ Да пепель,
Росою жизни окропленъ,
Какъ Фениксъ новый возродилъ;
Ни что не гибнешъ у Творца!
О, какъ ужасенъ Онъ судящій,
Для подсудимаго грѣха!
Онъ небеса небесъ спрясаетъ,
Какъ вѣшхій нищаго покровъ;
И осужденныхъ сто міровъ
Першомъ могущества спираетъ,
Какъ непримѣшную чершу . . .
И все еще полна Вселенна!
Но, съ дивной полношю своею,

Какъ лучъ во пламени пожара;
Какъ капля падшая въ моря;
Какъ сновидѣнье, исчезаешь
Все сошворенное въ Творцѣ . . .
Не исчезаешь но хранишься,
И тайной жизнью живешь
Какъ зарожденное во чревѣ;
И бьешься радостью живой
Какъ сердце въ персяхъ человѣка . . .
Но что печешь эфиромъ шонкимъ
По всѣмъ соснавамъ веществу,
И грѣешь хладное и смертнось
Живишь живою теплою,
И прокаженное паденьемъ
Возводишь въ свѣтъ и чистоту;
И бышю даешь безсмертнось,
И все новишь и все пишаешь,
Какъ кровь шѣлесный нашъ сославъ?
Я предъ Тобой благоговѣю,
Я узнаю Тебя — Любовь!
Куда жь, сей Дивный Богъ Боговъ,
Изъ недоспупнаго селенья,
Съ недосязаемыхъ небесъ,
Куда шакъ бышро усшремился,

Такъ низко въ изменность приникъ?
Къ кому спѣшишь съ шакой заботой?
Се, шамъ далеко на землѣ,
Во глубинѣ пущыни дикой,
Тоскуешь брошенный пшенецъ
Безъ мащери осиротѣлый:
И Онъ забышаго пшеница
И увядающую вѣтку
Изъ мощныхъ рукъ своихъ пишаешь,
Своимъ дыханіемъ живишь!
Въ шумящій день, въ глухую полночь,
Онъ чушко слышишь тайный гласъ
Впиши поскующаго сердца!
И Онъ бесѣдуешь, какъ другъ,
Съ душой гонимой въ буряхъ міра;
И шихо разрѣшаешь сѣшь
Сплѣщенную грѣхомъ и злобой;
И ласково на ширину
Выводишь плѣнницу земную!
Я видѣлъ пущь Его свяшой:
Онъ погибавшему являлся.
О, всезаботный, чудный Богъ!
Ты самъ въ пучину погружался,
Гдѣ ушопалъ Твой челобѣкъ:

Ты опогрѣвь его любовью;
И дланью опческой Своей,
Пишомца дикаго спрасшей
Ты вырвалъ изъ земныхъ сѣпей!
Вошце враговъ воздушныхъ раши,
Тѣснились на Твоихъ пушяхъ
Ты побѣдилъ! . . . Ихъ гонишь спрахъ,
И рѣки чистой Благодаши
Ліюща въ чистыя сердца!
Хвалише Бога и Опца
И примиришеля вселенной!
Соединишесь всѣ со мной:
Вы звѣзды, зыбкими лучами,
Дрожащи въ мушныхъ облакахъ!
Ты, съ шумомъ вѣющая буря!
И шы, ревуцій океанъ!
И вы, небесъ безбрежныхъ Силы!
Соединишесь всѣ со мной:
Да славимъ милосшъ Иеговы,
Да въ Богѣ воспоемъ Опца!

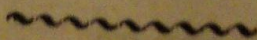
ГЛАСЬ КЪ ГОСПОДУ.

«Гласомъ моимъ ко ГДѸ въззвахъ. Въ день скорби
моеѧ Бга възискахъ рѹками моима.»

(Псал. 76.)

Я мучился... я исчезаль;
 Я ложе обливалъ слезами;
 И громко Бога призываль
 И Бога я искаль руками!
 Онъ вняль мольбѢ, Онъ близокъ былъ,
 Онъ шель, Онъ небо преклониль;
 И Самъ, убишаго посою,
 Воздвигъ свяшой Своей рукою,
 И грѣшнымъ и земнымъ очамъ
 Явилъ красы и шайны неба...
 Увы! давъ власпѣ моимъ мечпамъ,
 Въ смяшенѣ, Ангельскаго хлѣба
 Не приняль я изъ Опчихъ рукъ:
 Мой духъ боялся новыхъ мукъ.
 Но Онъ явилъ свяшую милоспѣ,
 Онъ миѢ слова любви вѣщаль,
 И сняль съ души моей унылоспѣ
 И я предъ нимъ какъ новый спаль!

О Дивный Богъ! о Богъ Великій!
Творяй міры и чудеса!
Ни Ангеловъ парящихъ лики,
Ни безпредѣльны небеса
Твоей не совмѣщаютъ славы!
Узря Тебя — кипяшь моря!
Ошь взора мощнаго Царя
Дрожатъ вселенныя соспавы . . .
Наспаль превоги бурный часъ,
Бездонны бездны дали гласъ
И облака опозвалися;
И, съ шумомъ, стрѣлы пронеслися;
И свѣшло молніи Твои
Въ безмѣрныхъ вышинахъ сіяли,
Кругомъ вершящихся міровъ,
И, молча, небеса внимали,
Чшо даспъ имъ Правда и Любовь!
Какъ Ты великъ въ Своей свяшынѣ,
О Богъ! Ты жизнь душѣ и свѣщъ!
И миѣ, забышому въ пущынѣ,
Ты даль и крылья и полещъ!

П О Б Ъ Д А .

«Малъ вѣхъ ко вратѣи моеи, и
юншій къ дому Отца моего.»

(Псал. 151.)

Я младшій былъ въ своемъ дому,
И меньше всѣхъ меня считали;
И радость дѣшства и печали
Ввѣрялъ я Богу одному.
Мои всѣ братья величавы
Росли для подвиговъ, для славы,
Былъ ими весель нашъ опецъ;
А я, въ своей безвѣспной долѣ,
Одинъ, съ моею цѣвницей въ полѣ,
Смирено пасъ моихъ овецъ!
Диша, безпечный сынъ природы,
О мнѣ узнающъ ли народы?
Иль жребій мой — пуспынный цвѣпъ!
Но вдругъ блеснулъ въ пуспынѣ свѣпъ,
И мнѣ явился Ангель Бога:
«Тебѣ широкая дорога
Чрезъ поле жизни и въ вѣка!»

РАЗМЫШЛЕНІЕ О БЛАГОСТИ
ВСЕБЛАГАГО.

« Вѣдѣйте и видѣте, ꙗко благо Гдѣ: »

(Псал. 33.)

Я весь еще дрожу ошъ восхищенья!
Я весь еще въ моихъ слезахъ!
О, какъ изобразишь Твои благошворенья?
Когда бъ въ моихъ нѣмѣющихъ успахъ
Вмѣспились голоса всѣхъ Ангеловъ небесныхъ,
То и тогда бъ, о дивный Богъ!
Картины дѣль Твоихъ чудесныхъ
Я людямъ передашь не могъ!
Они привыкли видѣшь Бога,
Съ Его пылающей грозой,
Коль, Гнѣвный, Онъ идешь съ казнипельной лозой,
И спрахъ и смущная превога
Бѣгушь по препешнымъ мірамъ.
Но Ты являешься, нашъ Богъ, какъ гощь Восшока,
Въ огнѣ, жеспокомъ для порока,
Но крошкомъ, сладосшномъ очищеннымъ сердцама!

Но Ты являешься, въ награду упованья,
Далеко опложа вѣсы и казнь и громъ,
И цѣлый океанъ беззнойнаго сіянья,
Свѣплѣешь радостно кругомъ
И льешься медленно, какъ вѣчностъ, предъ Тобою!
Ужъ возвращается опьяшое судьбою,
Распворень Твой небесный домъ,
И Опція Твои уже проспершы руки...
И Ты зовешь къ Себѣ заперянныхъ дѣшей
Вскормленныхъ грустію, въ поскѣ сердечной муки,
Подъ пышкой медленной спраспей.
И Ангелы Твои и свѣплы Серафимы
И весь живой, свяшый, но намъ безвѣспный міръ,
Какъ голосъ ласковый изъ шайныхъ устъ незримыхъ,
Зовешъ земныхъ сиротъ на сладкій Божій пиръ;
Зовешъ и знаками и пѣснями и словомъ,
Зовешъ забышь поску и грѣхъ въ блаженствѣ новомъ
И потонуть душой въ сіяніи небесъ,
Въ пучинѣ Божіихъ шаинспвенныхъ чудесъ!
«Придите! — говоряшь — вкусите и узнайте
Сколь Богъ вашъ милоспивъ и благъ!»
Послушайшесь и испытайше!
Откиньше суешу, надмѣніе и спрахъ!
Господь шакъ сладоспень: любовь въ Его устахъ!

Любовь свѣплѣешь въ ясномъ взорѣ
И благоспѣ свѣпишь на челѣ!
Вы ушопали въ бурномъ морѣ,
Вы заблуждались въ спрашной мглѣ.
Слѣпцы! вы долго не видали
Сіянья крошкаго лица:
Глухіе сердцемъ не слыхали
Рѣчей зовущаго Ошца!
А Онъ любилъ васъ и, съ жалѣньемъ,
Казнилъ преступныхъ не губя:
Но днесъ, *святое* полюбя,
Къ Нему на праздникъ примиренья!
Онъ далъ вамъ *ключь путей и откровенья!*
Онъ возведешъ васъ до Себя!

ЗЕМНАЯ ГРУСТЬ.

КЪ ДРУГУ.

«Donnez moi une âme qui aime,
elle comprendra ce que je dis.»

(S. Augustin).

Ты мнѣ пвердишь, что я скучаю жизнью:

Земная жизнь — не жизнь!

О, дай мнѣ, другъ, дай крылья Серафима!

Мнѣ грустно на землѣ!

Я полечу шуда, гдѣ всходишь солнце,

Гдѣ шеплился заря;

Туда, гдѣ даль, какъ океанъ, синѣешь,

За горы, за моря!

Я подымусь, съ алмазною росою,

Высоко опъ земли;

Увижу я, что шамъ, за облаками,

Въ бездонныхъ небесахъ.

О, дай мнѣ, другъ, дай крылья Серафима!

Мнѣ грустно на землѣ!

Я полечу за солнцемъ опъ востока

На гаснущій закашъ.

Увижу шамъ, куда опходишь солнце?
Опколь къ намъ сходишь ночь?
О другъ, я погружусь въ разливъ аломъ
Вечернiя зари.

Ужь не земнымъ я мчуся въ поднебесной!
Быспрѣй чѣмъ лучь, чѣмъ мысль;
Но, увлечень опяшь къ землѣ родимой,
Спою на шемѣ горь.

Какъ миль онъ мнѣ — сей грозный видъ природы:
Я зрю — кипяшь моря!
И въ шемной вышинѣ рокочущъ громы
Надъ шрепешной землей.

Я весь воспоргъ! Ты славень, Царь природы,
Въ пылающей грозѣ!
Пускай предъ ней дрожатъ порочныхъ души,
Будь шрепешъ ихъ удѣль!

Какъ Ты великъ, посланникъ грозный Бога!
Ты, опъ безвѣстныхъ странъ,
Идешь въ своемъ могуществѣ высокомъ:
Все ниць передъ Тобой!

О вихрь! съ побой шумяшь кипящи бури,
Ты гонишь облака;
Бѣгушь моря и спешяся дубравы,
Гдѣ, грозный, ты дохнулъ.

Передъ побой блѣднѣешь жизнь смященна
И гордый человѣкъ;
Трепещешь градъ — пишомецъ вялой нѣги:
Но Ты не спрашенъ мнѣ.

О вихрь! сорви меня, какъ лиспъ, и въ буряхъ
Умчи подъ небеса!
Туда, шуда, опъ сей земли мяшежной,
Къ надзвѣздной пишинѣ!

Туда давно душа моя просилась,
Какъ просишся дишя
Изъ чуждыхъ рукъ въ объясія къ родимой:
Тамъ родина моя!

О, дай мнѣ, другъ, дай крылья Серафима!
Мнѣ грушно на землѣ!
А шамъ, вверху, сіяешь какъ надежда,
Веселая луна!

Я полечу, пылая жаждой неба,
До упренней звѣзды;
О, какъ свѣшло горящъ они въ эфирѣ
Небесные міры!

Они съ моей бесѣдующъ душею
Языкомъ не земнымъ:
Опъ нихъ, о другъ, услышу дивны вѣспи
О новыхъ небесахъ!

Тамъ ясны всѣ судьбы здѣсь темной пайны:
Тамъ будущность прочшу;
И жизнь людей не будешь мнѣ загадкой:
Я вѣки обниму!

Онъ упомилъ Всевышняго перпѣнье
Пресупный смертныхъ родъ!
Земля, дрожа, пила и кровь и слезы,
И двигаль небо спонь!

Я вижу часъ, когда ты запустишь,
Веселая земля!
Какъ пѣнь прейдунъ швой опцвѣнши царства,
Какъ дымъ — швой красы!

И день взойдешъ, не для людей сіяя,
Ихъ солнце не найдешъ;
И улетишь съ развалинь жизни радосшь
И спихнешъ все, какъ гробъ.

Но по мѣстамъ запали искры жизни
И шепляшя впиши;
И новые вспаюшъ опъ нихъ народы
И новыхъ родъ людей!

О, дай мнѣ, другъ, дай крылья Серафима!
Ужъ близокъ часъ . . . пора
Лешѣшь опъ сей дряхлѣющей вселенной
Туда, гдѣ шлѣнья нѣшь.

Чшо въ мѣрѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Чшовъ мѣрѣ,
Гдѣ всюду зло и смершь?
Душа горишь желаніемъ *инаго*;
Дай крылья улешѣшь!

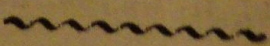
Но я безъ крыль! и связанный спрасшями,
Спешя подъ гнешомъ нуждъ,
Въ шолпѣ одинъ, какъ изгнанникъ скишаюсь:
Въ земномъ земнаго чуждъ.

Коль опалишь перунъ орлины крылья,
Пернапыхъ Царь трусшишь;
И по землѣ уныло пресмыкаясь,
Глядишь на небеса!

О, милый другъ, вопшь образъ челоуѣка
Въ изгнаніи земномъ!
Зачѣмъ же мнѣ швердишь, что я скучаю?
Мнѣ грушно на землѣ!

Ношу яремъ, наложенный судьбою,
Но вѣрой крѣпокъ я!
Моя душа полна священнымъ голодомъ
И жаждою небесъ!

Не весь я персть: въ родствѣ по духу съ небомъ,
По шѣлу — рабъ земли:
Но придетъ часъ — я опорвусь ошь персти
И весь на небеса!

МИНУТА ВЪ ЛУЧШЕМЪ МІРѢ.

Я былъ у нихъ, въ спранѣ намъ неизвѣстной,
Минушнй гостъ, я пилъ восторгъ небесной!

Какъ ясно тамъ цвѣшеть заря!

Какъ шихи свѣшлыя моря!

Какія пышныя каршины!

Тамъ не ложился ночи шѣнь

На ихъ веселыя долины;

У нихъ безночный долгій день,

Какъ наше ушро свѣжь и ясень;

Какъ сонъ невинной дѣвы шихъ.

О другъ! какъ эшопъ край прекрасень,

Какъ весело гостишь у нихъ!

Тамъ въ воздухѣ — любви дыханье!

Тамъ вмѣсто солнца — Благодать

И Бога Вѣчнаго сіянье . . .

У нихъ и слова нѣшь: спрадась!

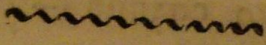
Ихъ пища — изъ зари и свѣша

Живишь ихъ, какъ восторгъ поэша;

Имъ льешся пише въ сердца

Изъ Ока свѣшлаго Отца,

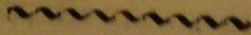
Когда вселенну обшекая,
И въ безпредѣльности сіяя,
Оно любовію горишь
Въ лучахъ подь солнцемъ неизвѣстныхъ;
И съ тихой ласкою глядишь
На нихъ невинныхъ и прелестныхъ,
Какъ наша дѣшская любовь;
Какъ наша дѣвственная младость;
Какъ та живая сердца радость,
Когда мы по морю плывемъ
И видимъ брегъ страны родимой...
Есть край уму непоспижимый:
Но сердцу весело бышь въ немъ!
Гдѣжь онъ сей край? Онъ скрылся, мнѣ безвѣстной,
И я ояшь въ предѣлахъ жизни шѣсной.

МИНУТА СЧАСТІЯ.

Въ груди спрасками раскаленной,
Я сердце грустное носилъ,
И, бившой жизни упоженный,
Конца спраданіямъ просилъ.
Но вдругъ повѣяло прохладой,
Какъ сердцу вѣдомой мечшой;
Миѣ кно-шо даль сосудъ злашой
И напоилъ меня опрадой.
И мракъ съ очей моихъ исчезъ;
И я, ужъ больше не несчастный,
Увидѣлъ новый день прекрасный
И сводъ шаинспвенныхъ небесъ:
Тамъ было все любовь и радосшь;
Земля свѣшилась, какъ криешаль,
И не шарѣлась жизни младосшь
И ясный день не догораль.
О, какъ ихъ обласни прекрасны!
И какъ привѣнливы они!
И ушѣшишельны и ясны,
Какъ юносши счасливай дни.

И всё такъ дружны, будто звуки
Въ струнахъ подъ опышной рукой;
И взоръ ихъ, изцѣляя муки,
Ложился въ душу какъ покой.
И ясно мысли ихъ свѣшались:
Я въ каждой гимнѣ Творцу чиналъ;
Они мнѣ пѣсни неба пѣли,
И я въ восторгахъ исчезалъ;
И, какъ младенецъ въ колыбели,
Мой духъ, переводя едва,
Я шаялъ въ радости сердечной
И пилъ млеко я жизни вѣчной.
Ихъ благовонныя слова
Изъ устъ рубиновыхъ струились,
И чувства въ сердцахъ ихъ свѣшились,
Какъ изъ-за тонкихъ облаковъ
Сіяющъ звѣзды золотыя;
И всё ихъ помыслы свящые
Въ одну сливались любовь.
Гдѣ жъ ты, моя минута счастья?
Гонюсь за сладкой пищиной:
Но я ужъ въ области ненастья,
И буря воешь надо мной.

КЪ ДУШѢ.

О ты, къмъ чувствую, живу и разумѣю,
 Тобою о тебѣ желая разсуждашь,
 Душа! могуль себя поспигнуть, описатьъ?
 Непоспижимая! я предъ тобой нѣмѣю...
 Кшо ты, безвѣспная: огонь, эфиръ, иль духъ?
 Иль неба шайное свяное вдохновенье?
 Въ тебѣ владычнй умъ; въ тебѣ воображенье;
 Кшожь ты сама? Уже ль минушное явленье?...
 Тебя не видишь взоръ, тебя не слышишь слухъ.
 Неплѣнная, но въ ломкомъ плѣннй,
 Ты въ дольнемъ мракѣ горнй свѣшь;
 Въ порывномъ дикй ключь спремленьи
 Изъ горныхъ норъ, мушась, печешь;
 Но увлечень извишыми брегами,
 Межь аромашными лугами,
 Ясиѣешь, прежнюю ушрашивъ шемношу,
 И видишь въ немъ всю неба красону.
 Такъ заключенная и ты въ земномъ сославѣ,
 Изъ плѣна выказашь спарашься себя:
 Въ младенцѣ, кажешся, какъ будшо нѣшь тебя;
 Но зрѣя съ лѣшами, сіяешь въ ясной славѣ...

Ты въ шѣлѣ то, что свѣшлый ключъ,
 Глубоко скрытый въ камняхъ мшистыхъ;
 Что солнце ясное за дымомъ синихъ пучъ;
 Что свѣжій аромашъ — душа цвѣшовъ душистыхъ;
 Что дорогой алмазъ когда корой покрытъ:
 Всѣ чувствуютъ тебя, никто тебя не зреть!
 Не зрю, но чувствую швое во мнѣ движенье;
 Ты дѣйствуешь во мнѣ въ бездѣйствіи моемъ.

Когда зашихнешъ дня кипящее волненье
 И спанешъ все — молчаніе кругомъ;
 И мака пышнаго душистыми цвѣтами
 Осыплешъ сонъ товарищей моихъ,

Я, въ хижинѣ моей, рой шумный сжукъ дневныхъ
 Замкнувъ, спѣшу на брегъ подъ свѣжими кустами
 Тебѣ, душа моя, опдашь себя подъ власшь:

Забудъ на мигъ мою земную часшь
 И, свѣшлый духъ, пари, лешай подъ небесами,
 Когда съ безмолвными часами
 Исчезнушь призраки, житейскія мечшы,
 Заснушь желанія, задремляшь суешы,
 Преспанушь сердце грызшь напасши
 И своевольныя слѣпыя спрасши —
 Залягушь и уснушь въ сердечной глубинѣ,
 Какъ змѣи свившишь въ клубъ въ пустынной тишинѣ.

Тутъ все, что вещество, объяно сномъ въ природѣ,
Но духъ, не зная сна, вишаетъ на свободѣ!

И, осѣненная священной пишиной,
Душа, я чувствую, и ты паришь высоко
И плавая подъ ясной пишиной,
Къ песчинкѣ средь міровъ, къ землѣ низводишь око.
О, что тогда тебѣ вся пышность спранъ земныхъ?
Сей блескъ, сіи лучи опъ проновъ золопыхъ,

Сіи кипящіе народы?

Какъ пиши въ вышинѣ лазуревые своды!
И шумъ и грустный вопль земной природы,
И падающихъ царствъ глухой пропашный спонъ,
Душа, блаженствую, чуть слышишь ты опшолѣ,
Какъ спранникъ, дремлющій на благовонномъ полѣ,
Далекій бури шумъ сквозь пиши слышишь сонъ.
И понущихъ въ крови племенъ земныхъ боренье,
Народовъ бурное движенье,
И брани грозныя спрасшей:
Все для себя какъ бренье пушей,
Что зыблеть и кружась, вѣтеть,
Когда его крыломъ пролетный вѣтръ коснется.
Ты наслаждаешься, душа, сама собой —
Симъ безпѣлеснымъ наслажденьемъ!
Но долго ль? мигъ одинъ! Судьбы твоей велѣньемъ

Ссылаешься съ высотъ — и я опять съ шобой!

Госпила въ небѣ ты; а я,

Ни къ чувствамъ безъ тебя, ни къ жизни не способенъ,

Недвижимъ, праздному сосуду былъ подобенъ.

Но ты опять во мнѣ; ты плѣнница моя!

Вопь пѣшель возгласилъ! зри упра часъ вспающій,

Желѣзну цѣпь суешь и горесшей влекущій!

Покоя хищники — забопь спада лепяшъ,

И спраши, пробудясь, въ груди моей шипяшъ:

Гнѣвъ пылкій, охвапя могучими крылами,

Тѣснишъ меня, влечешъ, крушишъ, шерзаешъ, бьешъ,

(Такъ буря мещешъ челнь межъ грозными валами)

И зависшь темною спезей ползешъ

И, жадная, изъ сердца миръ сосешъ,

Змѣей вокругъ сердца обвиваясь.

Вдругъ блещешъ молнія любви!

И вспыхнулъ шайный огнь въ моей крови,

По жиламъ быспро распекаясь.

Воспорга дикаго порывъ,

Влечешъ чрезъ бездны, мчишъ и мещешъ въ заблужденъ!

Но люшый пламень сей всю грудь мою испнивь,

Исчезъ! ... На пепль спрашей влечешся пресыщенъ.

На раскаленну грудь досадный сыпля хладъ

Жеспокое, оно лишаешъ всѣхъ отрадъ,

И въ сердце льешь тоску холодной, долгой муки,
 За нимъ, какъ рядъ гнѣней, сомнѣнъе, свары, скуки.
 Увы! шупъ все во мнѣ и ноешь и болишь:
 Опчаянъе въ груди шупымъ ножемъ пилишь!
 Въ сихъ буряхъ мраченъ я, какъ кладезь возмущенный
 Спою, о спыдъ, съ живошнымъ наровнѣ!

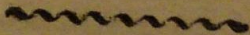
И шупъ нельзя познашь извнѣ,
 Чшо ты, небесная, мой другъ, мой геспъ безцѣнный
 Душа, еще во мнѣ!

Но ты во мнѣ . . . во мнѣ — я знаю:
 Какъ солнце за гусшымъ покровомъ черныхъ шучъ,
 Въ разсудкѣ, сквозь шуманъ спрасшей, горишь швой.
 И въ гласѣ совѣспи я гольсѣ швой внимаю.
 Далекій опкликъ швой, какъ опзывъ на лугахъ;
 Какъ гольсѣ лебеда на розовыхъ водахъ,
 Весеннихъ сумерковъ порою;
 Какъ сельская свирѣль за дальнею горою . . .
 Но онъ придетъ, придетъ швой часъ,
 Когда, какъ сонъ, промчашся жизни годы,
 Ты вспомнишь о спранѣ блаженства и свободы,
 Послыша Ангела невидимаго гласъ.
 Смершь острою взмахнувъ косою,
 Узль крѣпкѣй жизни разѣбчешъ,
 И въ шомной дряхлоспи, иль съ свѣжею красою,

Твой спутникъ прупъ, какъ цвѣтъ подрѣзанный, падешь,
 Онъ палъ! а ты надъ нимъ молодою голубицей,
 Въ эфирѣ блещешь и паришь,
 И на холодный прупъ глядишь,
 Какъ узникъ на свою шемницу,
 Въ опчизну милую призывный слыша гласъ.
 Душа! еще въ послѣдній разъ,
 Ты видишь мiръ, землю нарѣченный,
 И въ немъ, какъ океанъ шумящій, суеша;
 На царствахъ царства взгроможденны,
 Передъ тобой, какъ сонъ, неясная мечта!
 И времени рѣка, безъ успья, безъ испока,
 Необозрима и глубока,
 Кипишь и подъ тобой скрывается, какъ шбнь;
 Всѣ вѣки для тебя — вчерашнiй день!
 Вчерашнiй день! такъ что жъ разтерзанные горемъ
 Земной минушной жизни дни?
 Увы! предъ вѣчностью не толь они,
 Что капля предъ безбрежнымъ моремъ?
 Загадку жизни разгадавъ,
 И все, что отъ земли землѣ отдавъ,
 Душа, какъ свѣтлый лучъ, на небо улещаетъ,
 Осваивая наше намъ и горе и добро.
 Какъ птица, оброчая отъ быстрыхъ крыль перо,

Въ полешѣ силы не теряешь:
 Оставя шакъ душа скудельный свой сосудъ,
 Сказавъ землѣ: «спроси!» забывъ болѣзнь и прудъ,
 Пушемъ молодой зари и радуги прелеетной
 Лешишь, лешишь въ предѣль безвѣстный....
 Душа! уже ты зришь безчисленность громадь,
 Тьмы шемъ крутящихся по вихрямъ миріады!
 Ты зришь безбрежное пространства поле
 Съ неисчислимостью невѣдомыхъ міровъ,
 Какъ лугъ неспрѣющей опъ молодыхъ цвѣшовъ!
 Ты зришь.... но ты земли уже не видишь болѣ:
 Не видишь нашихъ горькихъ слезъ;
 Все радость въ глубинѣ заоблачныхъ небесъ.
 Далеко подъ шобой шумящъ земныя бури!
 Въ небесной роскоши, пlying въ зыбяхъ лазури,
 Ты внемлешь спройный гласъ злыхъ Сіонскихъ лиръ
 Вспрѣчаешь — кто швой опищешь восхищенья? —
 Всѣхъ милыхъ, всѣхъ родныхъ — предметы слезъ, мученъ
 И въ свѣшломъ сонмѣ ихъ пливешь въ надзвѣздный мі
 Такъ, весь я не умру! Кишите бурны волны
 На грозномъ морѣ бѣдь.... Свирѣшувуй мрачный рокъ!
 Расши, какъ шучный кедръ, нешшовый порокъ:
 И вы, мои враги, шеките злобой полны!
 Идушъ!.... я слышу дикій крикъ,

Но я къ угрозамъ равнодушенъ;
Я Богу одному въ душѣ моей послушенъ!
И Онъ, мой вѣчный Богъ, въ судьбахъ Своихъ великъ!
Горящимъ угліемъ и шерномъ, подъ цвѣтами,
Усыпала мой путь рука моихъ враговъ:
Идушъ меня ловишь коварными усами...
Но вашъ, несчастные, напрасенъ буденъ ловъ:
Небесная уйдешъ въ небесные предѣлы,
(Туда земныхъ враговъ не долешаюшъ спрѣлы!)
Оспавя вамъ на пиръ исплѣвшій свой покровъ....
О радость! мнѣ ничпо всѣ ужасы могилы;
Ничпожесшво не мой удѣлъ:
Мнѣ смерть, какъ другъ, опдасшъ и жизнь и крылы,
И полечу въ надзвѣздный я предѣлъ.

ПОЛЕТЪ ДУШИ.

*« Душа живетъ не тамъ, гдѣ она есть,
но тамъ, гдѣ она любитъ. »*

Эпшингеръ.

Наспала ночь, уснули люди,
Запахъ мяшекъ земныхъ спраспей;
И небо свѣшное сіяло
Своею ясною луной;
И легионы звѣздъ свѣшили
Мірамъ невѣдомымъ для насъ.
Мечпы незримыя лешая,
Играли участью людей;
Въ висоны нищихъ одѣвая
И въ вѣшхи рубища Князей...
И мой водипель какъ и прежде,
Въ своихъ серебряныхъ лучахъ,
Ко мнѣ слешѣль съ своимъ привѣшомъ;
Все шѣмъ же голосомъ, безъ словъ,
Онъ говорилъ съ моей душою
О чудесахъ иныхъ міровъ;
И сладко узницу манила
Его бесѣда за собой...
Онъ показаль мнѣ, мой водипель,

Въ недосязаемой выси
Какъ шайныя ходили силы,
Вода злая хоры звѣздъ . . .
И я внимала его бесѣдъ
О древнемъ зданіи міровъ;
О новыхъ солнечныхъ громадахъ,
Объ океанѣ новыхъ звѣздъ,
Все ошъ того жъ испекшихъ Бога . . .
Я слышала, что безъ крыль лепѣль
И шаяло на мнѣ все шѣло,
И я незримое узрѣль
И сердце радостью горѣло
Уже за мною былъ шуманъ,
Земли дряхлѣющей куренье;
И широко дышала грудь
Въ волнахъ безоблачныхъ ээира.
Онъ вѣяль сердцу ошъ небесъ,
Какъ радость ошъ счастливой вѣспи.
И мнѣ сказали: «Вошъ шошъ край,
Куда спекающа молишвы
Съ хвалебной данію сердець;
Гдѣ ошъ земной своей проказы
Цѣленье неба пьешъ душа!»
Кшо мнѣ опишешъ край чудесный,

Гдѣ свѣшлый океанъ любви
Міры въ семейства соединяешь;
Гдѣ браштва Ангеловъ свяшыхъ,
Поюшъ едиными ушами,
Какъ вѣчнось, медленную пѣснь;
И каждый гимнъ ихъ — море славы!
И каждый звукъ ихъ такъ богашъ,
Какъ вся гармонія земная. . . .
О, кто опишешъ мнѣ сей блескъ,
Сіе смѣшеніе лазури
Съ кипящимъ золошомъ лучей;
Гдѣ все ешь жизнь, огонь и чувство,
Все ясный умъ, живой воспоргъ,
Гдѣ все и самый воздухъ мыслишь!
Тамъ я увидѣлъ — (Никогда
Не позабуду я видѣнья)
Тамъ я увидѣлъ, какъ *земной*
Входилъ въ небесное съ вожашимъ.
Бездымный пламень, возносясь,
Сливался въ своды голубые;
И семи-цвѣшная дуга
Спезей, какъ ленша, разспилалась!
По ней, изъ подъ небесныхъ спранъ,
Молишвы свѣшлыя вводили

Кого-то темнаго съ собой
И цѣпь грѣховъ за нимъ влеклася...
Успалый, робкій пушникъ, весь
Покрытый язвами и прахомъ,
Въ гостепріимный вступишь домъ:
И все кругомъ его шакъ чистю!
Все шакъ привѣшно, шакъ свѣшло!
И все къ нему съ шакой любовью...
Но онъ чуждается и ласкъ
И дружелюбнаго привѣща:
Его пугаетъ чистюша;
Спыдишся онъ своей одежды
И язвъ и недуговъ своихъ;
И онъ не смѣетъ взять фіяла,
Съ кипящей влагою живой,
Изъ чистыхъ рукъ прелестной дѣвы:
Ему милѣя темноша,
Гдѣ бь лучше скрись себя отъ взоровъ.
Такъ и пришлецъ съ наземныхъ спранъ!
Онъ былъ чужой въ чертогъ неба!
Напрасно вѣяли ему
Съ лазурныхъ крылъ прохладной жизнью;
Напрасно золошо и свѣшь
Кругомъ, какъ море, волновались:

Онъ весь былъ спрупъ и весь болѣзнь!
И не слыхаль въ своемъ смяшеньи,
Ни чисныхъ, звонкихъ голосовъ,
Ни словъ ошъ коихъ сердце шаешъ...
Кругомъ сіяла шишина;
Но въ немъ кипѣлъ огонь, какъ буря,
И страшный топъ огонь былъ — спыдъ!
Онъ не былъ чиспъ еще для неба!
И, въ чувспвѣ сей нечиспопы,
Ни кѣмъ немучимый, шерзался...
Такъ прокаженный сынъ земли
Въ себѣ самомъ перегараешъ,
Доколѣ въ немъ исплѣнешъ грѣхъ...
Но, между шѣмъ, на синемъ сводѣ,
Зарю злапую зажигаля
Младый, прелеспный Ангель ушра.
Пробудный вѣспръ дохнулъ землѣ
И спали просыпашься грады
И закипѣла въ шумѣ жизнь...
Меня какой-шо голосъ шайный
Увлекъ въ земное бышіе.
Но на моихъ успахъ душевныхъ
Оспалась сладоспъ ошъ небесъ!

Д Ъ В Ъ

УТОЛИТЕЛЬНИЦЪ ПЕЧАЛЕЙ.

Когда расперзанный тоскою
Земной, я землю лобызаль,
И, въ прахъ приникнувши главою,
Слезами вопли растворяль;
Когда въ груди моей полмершвой
Огонь прискорбія пылалъ
И я, спрасней и бурей жершва,
Судьбу иѣмую вопрошалъ
И были миѣ опшѣшомъ муки. . .
Я вдругъ слышалъ жизни звуки
И сладкихъ иѣсней голоса.
Миѣ опшворились небеса
И надо мной они свѣшлѣли,
Какъ Благодать, какъ вѣчный миръ
И тихій шѣхъ небесъ эфиръ
Злашыми крыльями одѣли
Дружины Ангеловъ свяшыхъ.
Мой духъ, на крыльяхъ неземныхъ,
Любовью къ небу упоенный,

Покинувъ здѣсь сославъ свой плѣнный,
Какъ пища ранняя весны,
Лешѣль, ликуя, въ вышины . . .
И я узрѣлъ тебя Царицей,
Въ сіяньи звѣзднаго вѣнца:
Алмазный скиптръ горѣлъ въ десницѣ,
И длани вѣчнаго Отца
Свящую Дѣву осѣняли.
У ногъ сребрилася луна
И духи жизни ихъ лобзали.
Ты свѣшомъ вся была полна
И опъ свяшой Твоей одежды,
Какъ искры сыпались надежды
И миръ, какъ понкій аромашъ,
Въ мяшежъ спрасшей земныхъ спрунлся
Священнымъ препешомъ объашъ,
Какъ сладко онъ Тебѣ молился
Мой духъ; и какъ въ родимый лѣсъ,
Пшеницамъ приносишь горликъ пищу,
Такъ мнѣ, покинушу и нищу,
Онъ радость опъ Тебя принесь.
И, чудо! всѣ мои печали,
Какъ будто не меня шерзали!
Блѣдибешъ мрачной грусти сонъ,

И чуждъ мнѣ спалъ привычный стонъ!
Судьбы зашихнули удары;
И сердца знойные пожары
Ужь гасишь горяя роса.
Въ груди Тобою ушоленной,
Сіяешь образъ Твой священной
И въ душу сходящъ небеса...

БЛАГОДАТНЫЙ ГОСТЬ.

*«Знаю, что я недостойнъ и даже не могу
принять тебя подъ кровъ моего убогаго ша-
лаша, ибо онъ слишкомъ темень и пустъ
и въ развалинахъ. И ты даже не найдешь
въ немъ мѣста, гдѣ приклонить драгоценную
голову твою.»*

Иоан. Злаш.

Пришла весна, какъ гость желанный,
Повѣялъ сладкій жизни духъ;
Земля одѣлась какъ невѣста,
И все играло, все цвѣло.
Одинъ паспухъ сидѣлъ уныло:
Онъ шолько горе жизни зналъ.
Бѣднякъ онъ пасъ чужое спадо,
И не былъ никому родной!
Давно потаснуль день — и западъ,
Какъ спящаго младенца ликъ,
Алѣлъ зари молодой румянцемъ...
Но грустные не знаютъ сна!
И паспырь долго одинокій
Сидѣлъ на прагѣ шалаша,

Едва прикрышаго корою.
 Тамъ скорбь и нужда съ нимъ жильцы!
 И вошь идешь дорогой пушникъ:
 Онъ дивенъ видомъ, сановишь,
 Но просишь и ласковъ онъ привѣпомъ.

П у т н и к ъ.

Младый паспухъ! наспала ночь,
 Дозволь мнѣ опочишь до ушра
 Въ швоемъ укромномъ шалашѣ!

П а с т у х ъ.

Я радъ душей, но, пушникъ добрый,
 Шалашъ шакъ шемень мой, шакъ малъ:
 Смошри кругомъ блиспашюшь селы,
 Тамъ все богашные живупъ;
 А я и бѣденъ и несчашливъ!
 Я рано жизнью ушпружденъ:
 Мой хлѣбъ — печаль, пишье мнѣ — слезы!

П у т н и к ъ.

Тѣмъ лучше! я люблю цѣлишь
 И шяжкій недугъ и печали;

Люблю и грустныхъ утѣшать,
И упружденного покоить
И слезы въ радость премѣнять...

П А С Т У Х Ъ.

Когда шаковъ ты, пушникъ дивный!
То будь мнѣ милый гость: я радъ
Тебѣ послать постель изъ моху;
Найду сушеныхъ я плодовъ,
И свѣжаго млека и меду...
А упрямъ рано принесу
Изъ родника воды спуденой.

П у т н и к ъ.

Благодарю тебя, паспухъ!
Но все мое всегда со мною:
Я всѣмъ богашъ, и дорогъ мнѣ
Одинъ привѣшь просшаго сердца.
Я самъ умѣю угощать
Моихъ друзей и сладкимъ хлѣбомъ
И дорогимъ моимъ виномъ.
Оно не здѣшнее... Опшѣдай!
На! пѣй и ѣшь, младый паспухъ!

ПАСТУХЪ. (Приходя постепенно
въ восхищеніе.)

Я принялъ и вкусилъ — о радость!
 Гдѣ край родной сего вина?
 Какой огонь, какая сладость!
 Душа чудеснаго полна!
 О дивный! дивный! съ шайнымъ хлѣбомъ,
 Ты въ сердце положилъ мнѣ небо!
 Но ты и самъ небеснымъ спалъ!
 Твои власы, швой ометы
 Лучами свѣшлыми одѣшы.
 О радость! радость! я узналъ
 Тебя, свяшый, нездѣшній жипель!
 И ты всшупилъ въ мою обипель!
 И все небесное съ тобой!
 Чшо слава, чесшь? На чшо земное?
 Я зрю швой край — шамъ все иное...
 Возьми жь, возьми меня съ собой!

ПУТНИКЪ. (Улыбалсь.)

Я вижу, другъ, съ просшой душею
 Ты принялъ мой высокій даръ;

И пламень молній въ немъ сокрытыхъ
Тебя огнемъ не опалилъ.

Блаженъ, кто вечерялъ со мною:

Онъ гладъ душевный ушолить.

Будь здоровъ; иди же въ мою опчизну

Еще не время! Будешь часъ,

И о тебѣ я вѣрно вспомню

И призову тебя въ мой край,

Далекій злымъ, но близкій добрымъ...

Теперь хочу я показашь

Какъ награждаю за спрданье

И здѣсь и въ бѣдной жизни сей.

Блаженъ, кто могъ меня постигнуть

И сердцемъ жарко полюбишь

И предложишь свою мнѣ душу.

Тому, спорицею воздавъ,

Я приложу всѣ блага жизни

И лучшее изъ всѣхъ — покой,

Богатство Вѣры и надежду...

Ты бѣденъ, другъ, не унывай!

Паспухъ! ты любишь? — Уповай!

Сказалъ, и тихо удалялся,

Какъ мысль мелькнувшая въ душѣ.

Онъ слился съ утренней зарею,

Но былъ еще свѣтлѣй зари;
Предъ нимъ и звѣзды поблѣднѣли . . .
Пасхухъ сидѣлъ у шалаша,
Горѣла радостью душа!
Онъ позабылъ про все земное,
Но все само къ нему пришло.
На блѣдныхъ ошъ шоски ланишахъ,
Румянецъ свѣжій заигралъ;
Къ нему привѣшны спали люди;
Его умножились спада.
Онъ жилъ шрудомъ, но кто-то свыше
Благословлялъ его шруды.
И скоро милая подруга
Къ нему награду принесла
За грусть, какъ ночь прошекшей жизни.
Она мила была какъ день,
Который мелькомъ пробѣгая,
Сквозь окны пускляя шюрьмы
Сіяешь узнику младому.
И все неожиданое сбылось:
Малюшки дѣши процвѣшая
Здоровьемъ, силой и умомъ,
Вились вокругъ машери прекрасной,
Въ глазахъ счастливаго ошца,

Какъ лѣшомъ оппрыски молодые
Вкругъ виноградныя лозы.
И всѣ швердили по преданью:
Тотъ прямо въ жизни сей блаженъ,
Кто приметъ гостя неземнаго
Подъ свой земной убогій кровъ:
Онъ любилъ посѣщать несчастныхъ;
Онъ щедрый, бѣдныхъ богашилъ.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

I.

Онъ нѣкогда опцу сказалъ:
«Мнѣ жишь съ побою нѣшъ охопы,
Мнѣ шяжки сельскія работы:
Еще я свѣша не видалъ.
Опдай наслѣдное имѣнье,
Опдай, опецъ, мою мнѣ часпъ!
Я надъ собой имѣю власпъ
И въ свѣшѣ жишь найду умѣнье...»
Онъ взялъ и продалъ свой удѣль
И полешѣль на берегъ Нила;
И скоро чуждый край узрѣль
И неба чуждаго свѣшила.
И спалъ себѣ онъ господинъ:
Мечпы и спраспы заиграли,
Какъ искры радости сверкали,
И, мнимый сердца власшелинъ,
Онъ въ область ринулся забавы:
И вѣшся рой друзей лукавыхъ
Кругомъ безлечнаго въ ширахъ.

Онъ сладко дремлетъ на коврахъ;
И Тирскія раскинувъ шкани,
Онъ лесни собираешъ дани;
И въ спраспныхъ шающій огняхъ,
Въ кругу красавицъ свѣшло-окихъ,
Средь аромашовъ и сласшей
Въ черпогахъ кедровыхъ высокихъ,
Онъ снялъ бразды съ своихъ спрасшей,
И говоришъ: « Дни крапки наши
Какъ сонъ шуманный пролешашъ!
Друзья! смѣлѣй напѣнимъ чаши
И въ благовонный аромашъ,
Опшъ многоцѣннаго елея,
Власы попопимъ! . . . Не жалѣя
Я угощаю, други, васъ!
Насъ обовьюшъ красавицъ руки!
Намъ розы и свирѣлей звуки . . . »
Но вошъ, какъ смершъ, подкрался часъ,
Какъ шагъ въ полунощи незримый,
И обнищальный и гонимый
Бѣжишъ, минушной нѣги сынъ,
Въ пущыни дикія одинъ

Весна свѣжишь природы видъ:
Распушь рѣки священной воды,
И надъ рядами пирамидъ
Горяшь безоблачные своды.
И пальмы клоняся съ холмовъ,
Какъ дѣвы спройныя рядами;
И дышешь и кипишь любовь
И въ небесахъ и подъ водами...
И, какъ женихъ, роскошный Нилъ
Течешь лобзашь свои долины.
И оспрозубый крокодиль,
Покинувъ шайныя пучины,
На солнцѣ дремлетъ межъ подругъ.
Все нѣжишь взоръ, ласкаешь слухъ!
Но грустный гость чужаго берега
Не зришь красы чужой страны:
Не для него природы нѣга;
И радости родной весны
Въ душѣ проснулись печальной,
Какъ на долинѣ погребальной
Съ зарею свѣжіе цвѣтны...
Ужь буйной юности мечтны

Прошли, какъ слухъ о счастья ложный,
И онъ, въ надеждахъ осторожный,
Сказалъ, поскуча самъ съ собой:
« Когда гонимый я судьбой,
Когда опъ жизни опорвуся? »
Но вдругъ рѣшась: « Я возвращуся!
Къ тебѣ, отецъ, къ тебѣ хочу!
Передъ шобою, другъ почтенный,
Сспраснями спранникъ заблужденный,
Себя въ грѣхахъ я обличу . . .
Скажу: суди! Но видъ суровый
Смягчивъ, родишель! дай оковы:
Миѣ мило будешь ихъ носишь;
Пускай мои изложушь ноги:
Я буду пасшырь швой убогій,
Но шолько дай съ шобою жишь! »

III.

Ужъ близкій онъ къ мѣстамъ роднымъ
Благословляетъ мысль возвраща,
И родины завидѣлъ дымъ:
Онъ слаще нѣги аромаша . . .
Бѣжитъ знакомый ручеекъ,

Какъ юность прежняя свѣшля;
 И ласковымъ привѣшомъ вѣя,
 Пришельца встрѣшилъ вѣшрокъ
 И спранникъ, проясняясь думой,
 О счастья прежнемъ замечшаль.
 « Но, мой ошець! швой видъ угрюмой . . .
 Боюсь » И весь онъ шренешаль,
 И цѣпенѣль и колебался
 Но кто надъ нищимъ улыбался,
 И сердцу сердцемъ говорилъ?
 Кто окропилъ его слезами
 И шполь знакомыми руками
 Въ свои обѣщанія спѣсшилъ?
 Ошець! Онъ здѣсь — и все забышо!
 Тиха душа какъ свѣшлый миръ;
 И ожилъ грушншо убишпой
 И зашумѣль веселый пиръ.

IV.

Когда жъ и я, дшпя неволи,
 Изъ знойныхъ жизни сей спешей,
 Изъ сей шуманная юдоли,
 Сломивъ кольцо земныхъ цѣпей,

Къ Тебѣ, Небесный, возвращуся;
И на пуши въ Твой свѣшлый домъ,
Покрытый прахомъ и спыдомъ,
Передъ Тобою поклонюся,
Благій Господь мой и Опець?
И грусти не сдержавъ обильной,
Я здѣсь! воскликну наконецъ:
Я предъ Тобою, Боже сильный!
Я блудный сынъ, Ты судія!
Средь ангеловъ Твоихъ немѣю
И повѣсть разказахъ не смѣю
Тебѣ земнаго бышя!
Но въ царствѣ смерти и порока,
Средь говорящихъ мершвенцовъ,
Я зрѣлъ душой Твой домъ высокой;
Я весь былъ грусть и весь любовь,
И не нашелъ любви взаимной.
И упоженный опъ шревогъ,
Пріюпъ спрасшей покинувъ дымной,
Вхожу въ веселый Твой чершогъ.
Еще въ земной моей печали
Мнѣ о любви Твоей сказали
Твои свѣшныя небеса!
Ахъ, повели, Опець мой вѣчный!

Да прирожденный грѣхъ сердечный
Омоешь горняя роса!
Да совлекушь съ меня оковы,
Что нажилъ я въ житейской мглѣ,
Да поживу съ Тобой я *новый*
И позабуду о землѣ!

ПРИЗВАНІЕ ІСАІЯ.

Иди къ народу, мой Пророкъ!
Вѣщай, пруби слова Егови!
Срывай съ лукавыхъ душъ покровы
И громко обличай порокъ!
Иди къ народу, мой Пророкъ!

Вѣщай: « Не я ль тебя лелѣялъ
И на рукахъ моихъ носилъ?
Тебѣ въ пустыняхъ жизнью вѣялъ,
Тебя въ безводіи поилъ;
А ты, народъ неблагодарный,
Ты ласки всѣ забылъ Опца!
Какъ змѣи — души въ васъ коварны,
Какъ камни — черствыя сердца!
Что сдѣлали съ Моимъ закономъ?
Гдѣ лѣшь минувшихъ чудеса?
Мой слухъ пронзенъ невинныхъ стономъ,
Ихъ вопли движуть небеса...
А ваши сильные и князи,
Пируя сладкіе пиры,

Вошли съ грабишелями въ связи,
И губяшъ правду за дары.
Гдѣ правоша, гдѣ судъ народу?
Гдѣ вы, шворящіе добро?
Въ вино мѣшаете вы воду,
Поддѣль и ложь — въ свое сребро!
Вы слѣпы, Іудейски грады!
Я поднялъ рѣки изъ береговъ
И насылалъ къ вамъ шрусъ и глады
И двигалъ бури вмѣсто словъ.
А вы, какъ камни, не смягчались,
И Богъ вашъ, списнувъ громъ, шерпѣлъ;
Но лѣша благости скончались.»
О страхъ! Егова загремѣлъ!
Напалъ на сердце ужасъ хладный!
Я зрю мяшежъ и страхъ въ умахъ:
Промчался, съ крикомъ, коршунъ жадный,
Послышавъ гибель на поляхъ.
Увы, Израиль! Весь ты кляшва!
Ты спалъ подъ пѣснями льщенцовъ;
Но се, грѣховъ созрѣла жашва
И Богъ пошлешь своихъ жнецовъ!...
« На что миѣ созидаетъ храмы?
Миѣ аромашъ швоихъ кадилъ

И многоцѣнны еиміамы,
Какъ смрадъ раскопанныхъ могиль!
Ты знаешь самъ, что миѢ пріятно:
Одну люблю я правоту.
Зачѣмъ же судишь ты превратно?
Зачто ты губишь сироту?
Омой корыстную десницу;
Лукавство вырви изъ души;
Будь нищимъ другъ, спасай вдовицу!
Тогда, безъ жерствъ своихъ, спѣши,
Какъ добрый сынъ ко миѢ предъ очи:
Я всѣ грѣхи твои сперплю;
Будь черенъ ты, какъ сумракъ ночи,
Тебя, какъ день, я убѣлю!»

ИЗЪ ПРОРОКА ИСАИИ.

Почто кипяшь народомъ кровы,
И спогны ярымъ мяшежемъ?
Увы! наспали дни суровы,
Народъ! ты созвалъ Божій громъ!
Напрасно къ небу вопль и очи!
Вамъ гибель подъ покровомъ ночи..
Склонише гордыя главы!
Се часъ наспаль... Увы! увы!
Повѣшь Духъ и плоть заснонешъ,
И грѣхъ въ попоѣ слезъ пошонешъ;
Промчися гибель какъ спрѣла
И Богъ начнешъ свои дѣла.....
Онъ скоро буйныхъ въ буйствѣ свяжешъ,
Какъ сѣши наведешъ напасъ;
И вамъ, о грѣшники! покажешъ
Свое могущество и власъ:
Доколѣ шоржесиво порока?
Се Богъ гласишь въ устахъ Пророка:
О горе вамъ, копорыхъ шросъ
Въ своихъ судахъ лукавство пишешъ!
У васъ, безсовѣстныхъ, иль злосъ

Иль спросишь къ прибыткамъ гнуснымъ дышешь.
Вдовицамъ иѣшь у васъ суда,
И оправданья иѣшь безъ плапы;
Опъ васъ народу скорбь и прапы,
Вездѣ приспраснїе и мзда!
На что намъ праведникъ? сказали:
Онъ только обличаетъ насъ —
И неповиннаго связали . . .
Сыны мои! я вижу васъ,
Какъ въ осень класы пожинають,
И вашимъ спонамъ не внимають.
Но я приду съ моимъ мечемъ,
Съ моими вѣрными вѣсами.
Тогда вашъ Богъ инымъ судомъ
Разсудитъ землю съ небесами.
Не бойнешь! мимо васъ бѣда!
Но духомъ зноя и суда
Сломлю Я дерзость нечеспивыхъ;
На зорки очи прозорливыхъ
Туманы дымные падушъ.
Въ шѣ дни и мудрецы, какъ дѣти,
Начнушь плесни другъ другу сѣни
И въ нихъ, какъ въ безднахъ, пропадушъ.
А вы, Сїонянки игривы!

Украшивъ юныя главы,
Вы шакъ въ походкѣ горделивы,
И шакъ въ нарядахъ пышны вы!
Подруги лѣни и покою!
На что вы прапаше часы,
Что бѣ въ нѣгѣ праздною рукою
Лелѣяшь юныя красы?
Виссонъ со златомъ, съ синешою,
И шкань Лаконскую надѣвъ,
Волнуясь жизни суешою,
Спыдѣнье скромное презрѣвъ,
Спѣсиво ходите съ надеждой,
И съ помизаньемъ хипрыхъ глазъ,
Любуясь свѣпшою одеждой . . .
О горе, горе! придетъ часъ
И вы изсохнете въ боязни:
Гремишь! . . . Се вѣспникъ близкой казни:
« Я рѣзвы ноги подкошу,
Иная будешь вамъ обнова,
И вмѣсто пояса златова,
Я васъ змѣей препояшу! . . . »
Шумишь пущыня, стонушь горы,
Завыла буря ошъ колесъ;
Они въ бѣгу какъ вихри скоры,

Сии посланники небесъ.
Текушь Господни исполины!
Ошколь возникли ихъ дружины?
Никшо не вѣдалъ ихъ, не ждалъ!
Богъ рекъ: Я восшумлю имъ въ уши,
Зажгу кипящей месшью души.
Почшо въ народахъ духъ увялъ?
Земля спановишся иною . . .
Я землю обновлю весною,
Но хладный въ вѣрѣ и любви,
Народъ! шы духъ свой обнови
Въ свяшой купели покаянья!
Ужь близки, близки воздаянья!
Се чаша ярости полна!
Къ тебѣ сойдешъ моя весна;
Но вмѣсто крина и оливы
Пожнешъ шы гибель на поляхъ!
Дохну на грады горделивы —
И грады нечестивыхъ въ прахъ! . . .
Внемли Израиль, люди Бога!
Смиришесь предъ своимъ Творцемъ!
Къ нему знакома вамъ дорога
И гнѣвный, спанешъ вамъ ошцемъ!

КАРТИНА ІУДЕЙСКИХЪ
ПРАВОВЪ.

(Изъ Пророка Іереміи).

Наспалъ сей мрачный, бурный вѣкъ,
Сей вѣкъ молвы и ложной славы!
Въ душѣ, и грѣшный и лукавый,
Забылъ ты Бога, человѣкъ!
Какъ злакъ, швои увяли чувствва,
И въ мятежѣ неспройныхъ думъ,
Природы прелестъ и искусствва
Тебя не радуюшь . . . Твой умъ
(Какъ пламень смрадный по болошамъ),
Ошдавшисъ весь своимъ забошамъ,
Всю нѣжностъ сердца изсушилъ . . .
Увы! гдѣ чистый огонь любви?
Гдѣ сладкій другъ души — пріязнь?
Се люди Бога алчунъ крови
И ноюшъ духомъ, слыша казнъ!
О, дайше слезы мнѣ, какъ воду,
Да льюшся рѣки изъ очесъ,

Что бь могъ я выплакать народу
Прощенье ошъ свяшыхъ небесъ!
Кшо дасшь, кшо дасшь миѢ быспры крылы?
Я жажду шишины пустынь;
Спрѣлой ошъ сей живой могилы,
Ошъ васъ губишелей свяшынь . . .
Виномъ развраша упоенны,
Толпы пресшупниковъ не зряшь,
Что скоро громы наведенны
Надъ ихъ главами возгремяшь?
Землей безвѣрье овладѣло,
И быспро льешся зло ошъ зла:
На очи мудрыхъ ночь легла,
И чувешво груешное одѣло
Пустыня, хладныя сердца!
Почшо забыли вы Ошца?
И сами ошъ Него забышы!
Ищете прежнiя защишы
Въ коварной мудросши своей . . .
Ни кшо не любишь и не вѣришь:
Ошець въ семействѣ лицемѣришь,
И брашь на брата, какъ злодѣй.
Въ устахъ кипяшь глаголы лешши!
Вся ваша жизнь вамъ злой упрекъ!

Подъ плѣвною личиною чести,
Какъ смраднѣй шрупъ гнѣишь пороки!
Лихва восходишь надъ лихвою,
Надъ лешью воскипаешь лешь:
Броди жь съ поникшею головою,
Доколь тебя наспигнешь месшь!
Скишайся, какъ въ ночи злодѣи,
Гнѣви меня! хвали разврашъ!
Я скоро въ пеплъ и весь и градъ;
И засвисшашъ надъ пепломъ змѣи!
И съ коршуномъ заспоришь вранъ
О вашихъ шрупахъ безмогильныхъ.
Я въ прахъ ограды вашихъ спранъ!
Разспаешь мечъ въ рукахъ у сильныхъ!
Вашъ Богъ — корышь и суеша!
И всякій вихремъ жизни мчишся:
Но ваши замыслы мечша!
И жизни сонъ вамъ недоснишся...
Ты смерть и гибель пьешь, народъ!
Изъ чаши золошой порѣка!
Замолкнешь скоро гласъ Пророка,
Падешъ на биввахъ швой оплошь!
У вашихъ водъ — живую сладосшь,
У хлѣба — крѣпосшь я возьму,

Одѣну въ язвы вашу младость
И жизни день въ гвспую шму . . .
Слѣпцы надменные, какъ дѣши,
Скишайшесь вокругъ изрыпыхъ ямъ:
Вездѣ вамъ ночь, вездѣ вамъ сѣши.
Я васъ ругашелямъ ошдамъ:
Пускай свирѣпспвуютъ надъ вами!
Земля сзываетъ съ неба громъ.
Но все мнѣ миль Давидовъ домъ,
И вы, кипящіе грѣхами,
Еще мои все дѣши вы!
Скорѣе жь пепель на главы!
Омойше души слезъ рѣкою!
Мнѣ въ жертву умиленья гласъ!
Тогда опеческой рукою
Вашъ Богъ изъ Ада вырветъ васъ!

Г Н Ъ В Ъ Г О С П О Д А

Н А

Н Е Ч Е С Т И В Ы Х Ъ.

(Изъ Пророка Іезекіиля.)

Господь покрылъ меня рукою,
 И спалъ я духомъ восхищенъ:
 И миѣ опверзлись шайны неба
 И шайна вѣчности нѣмой . . .
 Я близко видѣлъ Херувимовъ
 Въ безнойномъ пламени свяшомъ;
 И, преклонясь съ небесъ надзвѣздныхъ,
 Господь вѣщаль моей душѣ:
 И ты мой рабъ съ другими вмѣстѣ,
 Такъ сладко дремлешь подъ бѣдой!
 Заснули очи ихъ и уши,
 Не слышатъ гласа и не зрятъ
 Моей грозы явленій спрашныхъ;
 Ослѣпли въ буйствѣ ихъ сердца:
 Среди крамоль и пылкихъ преній,
 Упившись злобой и грѣхомъ,
 Не видятъ истинныхъ видѣній.

Но горе имъ: ихъ сонъ имъ смерть!

Напрасно, нѣжась, разсуждаютъ:

«Еще не скоро придешь часъ»

Словесъ Господнихъ исполненья;

Еще успѣемъ осушитьъ

Злашую чашу наслажденья.»

Неправда, грѣшники, не вамъ

Плоды земнаго счастья зрѣютъ:

Скажи имъ голосомъ Моимъ,

Что времена и дни и лѣта

Держу въ десницѣ Я Моей!

Скажи, что вся сія вселенна,

Въ своей безбрежной широтѣ,

Течетъ съ покорностью младенца,

По манію Моихъ очесъ;

Что неисчешныя громады

Кипящихъ жизнию міровъ,

Съ бездоннымъ океаномъ неба,

И вашу землю и моря,

И воздухъ, гдѣ бунтуютъ бури,

И область вышней пишины,

Опкошь любуясь въ вѣчность вѣки,

И все твореніе Мое

Я обуздаль Моею силой

И все веду Моимъ першомъ
И Я пришекъ на спонь народа
Воззрѣшь на вашъ пресшупный градъ:
И горе граду! Онъ ушрашилъ
И памяшь о Моихъ словахъ:
Вездѣ поруганы законы;
Нигдѣ не вижу Я любви,
Ни сладкой дружбы, ни пріязни.
И вы мечтаешае, что казни
Ошъ васъ бышь могушь далеки;
Въ чаду своей нечисшой славы
Вы жадно ловите забавы
И смерть снѣдаешае въ пирахъ.
О заблужденье! Нечеспивцы,
Вашъ приговоръ произнесень!
Но Миѣ ихъ жалко и пресшупныхъ . . .
Смиришесь! . . . Въ васъ смиренья нѣшть:
Такъ допѣвайше жь пѣсни нѣги,
Доколь внезапно съ висошы,
Какъ коршунъ налешишь къ вамъ гибель . . .
Тогда узнаюшь, кто ихъ Богъ!

А вы, слѣпые прозорливцы!
Зачѣмъ прельщали Мой народъ,

Вы, нечестивые пророки?
Зачѣмъ вы гладили пороки,
Тая грѣхи Моихъ людей?
Почто имъ радости сулили?
Книѣла ласкъ у васъ въ устахъ,
Почто ихъ нѣжили въ мечтахъ,
Какъ будто дѣтищъ въ колыбели?
Вы пѣсни сладкія имъ пѣли
И восклицали: «миръ и миръ!»
Не миръ, но гибель имъ гошова
За ихъ лукавство и грѣхи.
Зачѣмъ шакъ суешливо спросятъ
Громады новыхъ грозныхъ снѣговъ?
Ничто не скроешь ихъ отъ Бога:
Я ихъ увижу съ высоты . . .
Я проведу надъ ними бурю,
И камни съ шрескомъ полешятъ,
Какъ прахъ передъ пущыннымъ вихремъ . . .
Тогда узнаютъ, кто ихъ Богъ!

Они сердцами охладѣли;
Они живутъ однимъ умомъ,
И бьются на землѣ, какъ рыбы,
Когда влечешь ихъ сѣнь изъ водъ.

Спупай въ ихъ кедровы чершюги:
Гдѣ радость чистую найдешь?
Спроси у ихъ роскошныхъ ложей:
Какіе видяшся имъ сны?
Они смѣются сновамъ ближнихъ
И правду гоняшъ ошъ себя.
За шо какъ лисшъ осенній шлѣбуютъ
И согниваютъ во грѣхахъ.
Гдѣ чистота священныхъ союзовъ?
Гдѣ ясность неповинныхъ душъ?
Гдѣ не надломанъ перстень брака?
Гдѣ ложе чисто ошъ грѣха?
Къ связямъ влечешъ одно богатство,
Къ родству сердце одна корысть.
Въ женахъ спыдѣнія не спало:
Невѣста идетъ къ алтарю,
Смѣясь, какъ будто дочь разврата,
Съ огнемъ несповымъ въ очахъ...
Лукаво смотришъ братъ на брата,
И къ дѣшямъ пѣшъ любви въ ошцахъ.
И долго жишъ шакъ не уснанишъ;
Другъ друга долго злобишъ шананишъ,
Какъ хлѣбъ другъ друга пояданишъ.
О родъ несчастный, шы-пошочешъ

Въ болотѣ гибельномъ грѣховъ!
Миѣ жалко васъ . . . но судъ и казни
Уже готовы для тебя:
Я обличу твои пороки,
Сорву злую пелену,
И хитроуканная одежды
Раздравъ, сдеру съ твоихъ рамень,
И обнажу тебя предъ свѣтомъ,
Какъ обожженный громомъ кедръ.
Тогда восплачешь, погибая;
Тогда узнаешь, кто ихъ Богъ!

Уже Мои готовы стрѣлы,
И звѣри жадные давно
Въ глуши пустынь ко Миѣ рыкають
И просятъ крови и костей!
Уже ихъ тайный гласъ сзываетъ
На небывалый страшный пиръ:
И будешь въ язву ваши шрупы,
И въ пищу имъ ваша кровь.
И всѣ, насытившись, опочіютъ
Межъ васъ, безгробныхъ мершвенцовъ . . .
Тогда на Бога не пѣняйте!
Онъ ясно извѣщаетъ васъ:

Въ шѣ дни не мыслишь о зашишѣ,
Ее для осужденныхъ иѣшь!
Главы надменные и руки
До плечъ Я громомъ опобью:
Тогда смиришь умъ кичливый;
Тогда узнаешь, кто ихъ Богъ!

Уже надходишь онъ незримый,
Великій, спрашный Божій день!
Не услаждайшеса прибышкомъ,
И не скорбите опъ потерь:
На все равно опверзсша гибель.
И скоро рашная шруба,
При близкомъ шумѣ спрашныхъ браней,
Звѣня одна, какъ сирота,
Пущымъ полямъ, пущымъ долинамъ,
Уже полковъ не созовешъ!
Никшо не двитнешя на вызовъ
Къ раздраннымъ бурей знаменамъ:
Я пригвозжу къ землѣ ихъ ноги,
И закую мечи въ ножнахъ.
Тогда увидяшь, кто Власнишель,
Тогда узнаешь, кто ихъ Богъ!

Уже сѣкира погубленья
Лежишь при корени древесъ;
Уже опчислены удары,
Уже грѣхи изочшены,
И уснановленъ вѣсь и мѣра.
И Ангеламъ своимъ Господь
Вѣщаль: идите, истребляйте,
Текише, горніе жнецы,
И пожинайте нечестивыхъ,
Какъ класы спѣлые въ поляхъ!
Никшо да не речешъ: пощада!
Но, истребляя грѣшный градъ,
Не прикасайтесь освященнымъ:
Они Мои! Ни мечь, ни гладь,
Ни бури пламенныхъ пожаровъ
Не смѣюшь пронушь ихъ чела.
Я ихъ покрылъ Моей рукою,
И далъ имъ стражей и вождей
И сохраню ихъ плоть и кости
И каждый волосъ ихъ главы.
Пускай на нихъ увидяшь чудо;
Тогда узнаюшь, кто ихъ Богъ!

Такъ, близки дни къ вамъ погубленья

И скоро сбдупся видѣнья.
Я посрамлю слова волхвовъ,
И самъ глаголашь къ людямъ буду,
И оправдаю мой глаголь.
Но, казнями казня прешупныхъ,
Я пожалѣю наконецъ
О дѣшяхъ гибели несчастныхъ,
И руку въ бездну имъ подамъ,
И гласъ раскаянья услышу,
И обновлю Я Мой завѣщъ.
Я сердце каменное вырву,
И сердце новое имъ дамъ;
И дамъ имъ дѣшскую невинностьъ,
И ослабленіе лицу;
Пролью къ нимъ свыше воду жизни,
Пошлю спасенія млеко;
И угобжу ихъ землю шукомъ
И дамъ имъ росу опъ небесъ.
Я самъ благословлю ихъ нивы
И каждый опъ земныхъ плодовъ;
И снидупъ годы имъ счастливы
Воскреснешъ чистая любовь,
И Духъ Мой исцѣлишь незримо
Сшрасшми изрышыя сердца,

И узряшь всѣ во Мнѣ Ошца:
И Мною Мой народъ хранимый
Созиждешь новый Мнѣ алтарь,
И буду Я единый Царь!

П Р О Р О К Ъ.

(Изъ Эздры и Ісаи.)

Тоскуя о судьбѣ людей,
Сидѣль Пророкъ въ глубокой думѣ.
И се, изъ купины нѣмой,
Воспекъ, незримо, гласъ священный,
Какъ пѣсни шайныя небесъ
Сей гласъ, какъ древле Моисею,
Вѣщаль: Воздвигнись, Мой Пророкъ!
Ты будешь Божьими устами!
Иди разоблачай порокъ
Въ толпахъ смущенныхъ суешами:
Звучи въ вѣкахъ живой глаголь!

Уже время погнбла юность,
Скудѣють жизнь и бышіе.
Уже прошла невинность сердца,
Лукавство приросло къ душамъ;
Буншуютъ люди! нѣтъ смиренья!
Залегъ къ раскаянію путь!
Они зарѣзали Пророковъ,
Погнали праведныхъ людей;

За шо мяпуся и болѣють:
 Ихъ души, какъ могильный прахъ,
 Безжизненны и хладны спали —
 Они погрязли во грѣхахъ!
 И грустію сердца чреваши,
 Раждають жалобы и спонъ.
 Земля колеблешся въ превогѣ;
 И, въ буйныхъ замыслахъ своихъ,
 Текуть народы на народы
 Какъ расколѣханныя воды
 Свирѣпой бурею ночной . . .
 Какъ суешны! многозабошны!
 Какая въ нихъ нечистоша!
 Всѣ опьянѣли опъ развраща!
 Многоглаголивы въ рѣчахъ,
 Но скудодѣльны спали люди:
 Сварливый, злый, коварный родъ . . .
 Давно о Богѣ позабыли
 И не глядяшъ на небеса;
 Корысть — ихъ другъ; корысть — ихъ идоль,
 И себялюбіе — ихъ Богъ!

Ошикрой имъ шайны и примѣшы
 Послѣднихъ гибнущихъ временъ:

Пускай увидяшь и не мысляшь,
Что Судь внезапно къ нимъ пришель.
Скажи: тогда зажгушя биввы;
Тогда ихъ обезчодишь мечъ;
И крѣпкіе падушъ на брани;
И юность испребишь себя
Сама, среди взаимныхъ преній;
И будешь много сирыхъ вдовъ,
И дѣвъ поскующихъ о бракѣ:
И имушя семь женъ за мужа
Единого, и всѣ рекушъ:
Мы гордосшь прежнюю оставимъ
И спрасшь къ богатству и пирамъ:
Въ свои одѣнемся мы ризы,
Нашъ будешь хлѣбъ; и лишъ швое
На насъ да нарѣчешя имя:
И, въ страхѣ бѣдоносныхъ дней,
Лишь будь ты нашею защитой
И насъ, какъ пасырь, охраняй!

И, высоко поднявшись, воды
Съ своихъ сорвушя береговъ;
И блѣдный гладъ взойдешъ на землю,
Какъ неизбѣжная бѣда;

А въ небесахъ, какъ вѣстникъ казни,
Зажгешся спрашная звѣзда . . .
О горе вѣку! согрѣшили:
Святыню подняли на смѣхъ!
И, окаянные предъ небомъ,
Съ водою пьюшь, снѣдаюшь съ хлѣбомъ
И съ воздухомъ глошаюшь грѣхъ.
И будушь шапки человѣки,
Скользя по жизненнымъ пушямъ.
Тогда Я пасырей народовъ
Сзову шоржесшвенно къ Себѣ,
И предъ лицомъ Моей вселенной
Я прочишаю ихъ дѣла!

И люди спросяшь у людей,
Народы спросяшь у народовъ:
« Не къ вамъ ли правда перешла
И съ нею швердые законы;
И не надъ вашей ли спраной
Благословеніе сіяешъ
И благодати горній свѣшъ? »
И будушь ошвѣчають другъ другу
Однимъ жеспокимъ словомъ: « ишъ! »

О, горе вамъ надменнымъ въ счастья!

Вы ушучивали ошъ сластей

Ругаясь дерзко надъ убогимъ.

И скоро васъ постигнетъ гладъ

Живой воды и пищи горней . . .

Но я весь хлѣбъ съ небесныхъ нивъ

Раздамъ убогимъ и смиреннымъ

За цѣну слезъ ихъ и шоски;

А вамъ, раскормленнымъ гордыней,

Не вкусенъ хлѣбъ мой неземной . . .

И вы, какъ брошенный свѣщальникъ,

Исшаявъ сами ошъ себя,

Не будете . . . тогда рекушъ:

Куда же дѣлись Исполнины!

Гдѣ ихъ мечшы? Гдѣ пышный блескъ?

Они прошли какъ утра тѣни,

Какъ недоснившіеся сны.

Во дни осени селянинъ,

Трудолюбивою рукою,

Опустошаетъ верхоградъ,

И грозды снѣлые, со щаньемъ,

Въ свое хранилище беретъ;

И дѣшамъ малымъ позволяетъ

Еще оспапки съ лозь собрать,
И опустѣешь все . . . и гдѣ-гдѣ
Мелькаешь позабышый гроздь . . .
Такъ оскудѣюшь человѣки
На сиропѣющей землѣ:
И будешь звѣзды, какъ и прежде,
И солнце въ часъ свой восходишь;
Но горнія сіи свѣшили
Освѣщая хладныя могилы
Обезглаголенной земли . . .
И человѣкъ пойдешь далеко
Сквозь загустѣвшіе лѣса,
Что бь только видѣшь человѣка,
Что бь только слышашь, хошь вдали,
Разумный звукъ, живое слово . . .
И сладко будешь двумъ и шремъ
Свяшую сошворишь молишву,
На запусѣніи градовъ,
Творцу, карашелю лукавыхъ,
Но добрыхъ щедрому Опцу!

Но люди новые возстанушь,
Какъ на развалинахъ лѣсовъ
Вспаюшь древа и злачны крины,

Съ весной, опть забытыхъ корней . . .
Тогда въ душахъ не будешь хлада,
Я не шерплю холодныхъ душъ!
И усмирился умъ кичливый,
Какъ змій съ раздавленной главой.
Тогда мой даръ — свяшая крошоспшь —
Сердца невинныхъ умаспшишь;
Я погашу спраспей пожары,
Испоргну клеветы и свары,
Свяжу лукавспво и порокъ,
Обезоружу смерть и рокъ,
И, примирась съ моей землею,
Я примирю съ ней небеса!

ГЛАСЪ ПРОРОКА.

(Иереміи гл. 4, 5 и 6.)

Виномъ лукавства упоенный
Надъ бездной пышный градъ споялъ,
И, какъ младенецъ усыпленный,
Своей бѣды не постигаль . . .
Иерусалимъ! Иерусалимъ!
Почпо внимаешь не хочешь Богу?
Увы! нечестіемъ своимъ
Ты казнямъ проложилъ дорогу!
Востекъ свѣтъ Божій отъ людей
И съ нимъ ушла живая радость;
Темнѣла ночь въ пусыхъ сердцахъ;
Въ шокѣ ихъ расцвѣтала младость
И въ ихъ наморщенныхъ челахъ
Гнѣздились суешныя думы . . .
Все было въ мертвой тишинѣ,
И въ семь предвѣстїи страшной бури,
Мечтали видѣть сладкій миръ.
Но Богъ еще объ нихъ жалѣя
Вѣщаль Пророку отъ небесъ:

Иди и обшеки ихъ грады!
Найди хоть нѣкихъ изъ нихъ,
Что бь правду какъ себя хранили,
Что бь знали Бога въ небесахъ,
И что бь любилъ еще умѣли
Благословишь ихъ я гошовъ:
Для нихъ цѣла моя любовь!
Но гордый родъ сей исчезаешъ
Въ своихъ неспроисвахъ и спрасяхъ.
Я Самъ надъ нечеспивымъ градомъ:
Я имъ глаголашъ въ шумѣ бурь;
И двигалъ воды ихъ — и гладомъ
Я вразумлялъ Моихъ людей. . .
О леденѣющія души!
Окаменѣлыя сердца!
Ихъ дебелиющія уши
Не слышатъ голоса Ошца!
И всѣ какъ будто согласились
Другъ друга укрѣплять въ грѣхахъ
И, о земныхъ корысняхъ споря,
Не вспоминашъ о небесахъ,
Валясь въ наслажденяхъ жизни.
Но ты скажи глухимъ слѣпцамъ,
Что и для нихъ закрыто небо,

Пускай блажашъ своихъ боговъ...
 Се, Ангеловъ Моихъ опшвергли
 И не послушали меня:
 За то иныхъ на вразумленье
 Пошлю къ неисповымъ сынамъ:
 Къ нимъ придетъ Левъ изъ дебрей шайныхъ,
 И Волкъ ворвется въ ихъ дома,
 И злая Рысь, какъ спорожь зоркій,
 Придетъ сперечь ихъ грѣшнй градъ...
 За что МиѢ бышь къ нимъ милосердымъ,
 Когда ломая Мой Законъ,
 Они, какъ кони крѣпковыйны,
 Бѣгущъ не слушааясь узды?
 Пущь забавляюща мечпаньемъ,
 Чшо все ешь случая игра,
 Чшо Богъ ихъ заняшь дальнимъ небомъ,
 Чшо ихъ покинулъ на судьбу;
 Чшо вѣпръ вѣщаль въ устахъ Пророковъ,
 Чшо суевѣріе одно
 Предчувствіямъ сердечнымъ вѣришь;
 Чшо все видѣніа и сны
 Однихъ дѣшей пугающъ спрахомъ
 И чшо ихъ гордый, зоркій умъ
 Провидишь времена и вѣки...

Я обличу ихъ хипрый умъ!
И спавящихъ другъ другу сѣши
Моею сѣшью уловлю . . .
Они не вѣдають ошколѣ
Къ нимъ придуть казни и бѣды . . .
Въ глуши, на Сѣверѣ далеко
Безвѣстный кроется языкъ,
Языкъ упорный, сильный, спарый;
И шель его — ошверзтый гробъ!
И смерть — его разящи спрѣлы!
Я поманю его першомъ
И набѣжипъ онъ въ ваши грады
Какъ буря съ шумомъ изъ лѣсовъ . . .
Тогда смяшущся нечеспивцы,
Какъ шапи пойманны въ ноши.
Тогда погибнешъ сердце гордыхъ,
Разслабнущъ сильные вожди;
Вожди ихъ буйшвомъ умудрились
И спалъ лукашвомъ весь ихъ умъ!
Добра какъ будшо и не знають,
А зло шворяшъ какъ мудрецы.
Какъ пшицы ночи любяшъ тайну
И мракъ сгущають надъ собой:
Но для Моихъ очей нѣшъ тайны!

Сердца и души Я прочель —
И отвращаюсь отъ коварныхъ
И поспыжу безстыдныхъ Я!
И ихъ жрецы смущаяся спрахомъ,
И ихъ пророковъ смѣлый гласъ
Задрезжишь въ устахъ дрожащихъ;
Какъ спешь засохнешь ихъ горшань.
Пора покаяться, Израиль!
Пора смиришь кичливый умъ
И смышь потокомъ слезъ лукавство.
Еще оспался малый часъ
И не совсемъ еще замолкнулъ
Опца болѣющаго гласъ...
Но Богъ живешь не въ нечеспивыхъ,
Не въ хипрыхъ козняхъ, не во лжахъ.
Вы положились на швердыни,
На грады крѣпкіе свои.
Какъ пшиць исполненная клѣшка,
Такъ лесши и грѣховъ полны
Великолѣнные ихъ дома
И отъ пороковъ шѣсно въ нихъ!
Ихъ сердце къ золоту прильнуло;
И руки жадныя и умъ
Проспершы для одной корысши,

Для собиранія богатствъ.
И богатѣюшъ и шучиѣюшъ
И возвеличились въ чеспи;
Румянъ ихъ ликъ, ширѣюшъ шѣломъ
Въ своихъ прапезахъ и пирахъ;
А споновъ бѣднаго не слышашъ
И шягопяшся правду данъ
Вдовѣ и сиротамъ слезящимъ.
И шакъ уже ль и за се
Не опомщу симъ безсердечнымъ?
Я вижу ужасъ на землѣ . . .
О лживый градъ! какихъ нечесшій,
Какихъ насилій нѣшъ въ шебѣ?
И, какъ морозъ сжимаешъ воды,
Такъ злоба жмешъ швои сердца.
Но я пошлю къ шебѣ болѣзни
И смершъ и язвы наведу . . .
Вамъ ваши спраспи спали боги,
Вы поклонилися себѣ:
Когда жъ любви не знали Бога,
Такъ испышайше гнѣвъ Его!
Грядешъ единое къ другому
И все на погубленье вамъ.
И се, восколебался Сѣверъ!

Звѣнишь погибели труба!
И души сонныя пронзаешь,
Какъ вопли мучимой въ родахъ...
Придущь, придущь въ жилища ваши,
Какъ враны съ крикомъ налешяшь,
Спрану твою одѣнешь пламень
И дымъ всклубишься до небесъ.
Не для себя вы созидали
Изъ кедровъ пышные дома
И злапо не себѣ собирали...
Не выходите на поля
На ваши спѣющія нивы:
Мечи живущь у васъ въ лѣсахъ
И залегла въ долинахъ гибель.
Ахъ! не надѣйтесь на себя!
Предъ Богомъ правды усмиришесь
И ближнихъ сердцемъ любя,
Съ собой и съ небомъ примиритесь!
О люди! братья! близокъ часъ!
Скорѣй къ купели покаянья,
Къ пошокамъ жизненной воды!
Идущь, надходящъ воздаянья,
Кипящъ и казни и бѣды...
И иѣшь ужь болѣе середины!

Почто жь, скудѣльны исполины,
Винясь и въ буйствѣ и въ грѣхахъ,
Къ ошцу не кинишесь въ слезахъ
Съ рыданьемъ дѣшскимъ просподушимъ?
Онъ, Гнѣвный, благъ еще къ послушнымъ;
Но не раскаяннымъ и злымъ
Ужасенъ Онъ судомъ Своимъ!

ВѢНЕЦЪ ВРЕМЕНЪ.

(Изъ Ісаіи.)

Пророкъ! внимай Моимъ словамъ
И воспруби ихъ въ слухъ народамъ:
Да слышатъ небо и земля
Мои священные глаголы
О шайнствѣ Моихъ судьбъ:
Пройдушь, пройдушь печальны вѣки,
Исчезнешъ плѣнь Моихъ людей;
Я сокрушу пороковъ силу
И смерть и плѣнь изгоню!
Я Самъ созижду градъ вамъ новый
И освѣщу его Собой
Тамъ будешь день, не вечерѣя,
Какъ жизнь безсмертная горѣшь!
Не будешь шамъ ни звѣздной ночи,
Ни вашей блѣдныя луны;
И ваше солнце не посмѣетъ
Тамъ показашъ свое лице:
Оно шемно предъ свѣшомъ славы,

Которой вѣчные лучи
Одѣнушь пышно градъ Покоя.

.....
.....

